

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ВРЕМЯ

ОДУВАНЧИКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Афанасьев

Время одуванчиков

«Автор»

2022

Афанасьев А.

Время одуванчиков / А. Афанасьев — «Автор», 2022

Остросюжетный криминальный роман о трех друзьях, которые в 90-х годах держали под собой целую область, а потом избрали каждый свою стезю. Ларин отвечал за криминалитет, его легальное не привлекало, Игорян, Мозг, — исключительно за легальное, а Ломов — подключался и там, и там. Но с той поры прошло двадцать лет, канули в небытие лихие 90-е, и бывшим друзьям пришла пора подвести некоторые жизненные итоги... Содержит нецензурную брань.

© Афанасьев А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
13 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Здание администрации области (белый дом)	6
Далекое прошлое. 1988 год. Россия	13
13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Дорога	16
13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Лес	20
13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Город...	22
Далекое прошлое. 1990 год. Белогорск, Россия.	29
14 мая 2021 года. Белогорск, Россия	32
Далекое прошлое. 1992 год. Белогорск, Россия	35
Год 1992. Первый год новой России.	37
Далекое прошлое. 1993 год. Белогорск, Россия	40
14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Металлобаза	45
Далекое прошлое. 1993 год. Белогорск, Россия	54
14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Бывший дом	57
Далекое прошлое. 1994 год. Россия	59
Вечер 14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Область	67
Несколькими днями ранее. 08 мая 2021 года. Москва, Россия	71
Далекое прошлое. 1995 год. Россия	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Афанасьев

Время одуванчиков

От автора

*Желаю солнца, желаю ветра
Пацанам, кто давно ушел на небо
А тем, кто не был, желаю быть
Живым и вечно молодым.
Пока рано нам туда к небесам
Пока рано дуть скорби ветрам
Пока рано сизым дымом в облака
А значит, дышим глубоко пока.
Честный «Желаю»*

Почему девяностые? Почему эта тема?

Ну вспоминать о девяностых, пытаться осмыслить девяностые – стало в последнее время мейнстримом – о них рассуждают самые разные люди. И с самых разных позиций. Для кого-то девяностые были добром, для кого-то злом. Для кого-то они ушли навсегда, для кого-то продолжаются.

Девяностые именно сейчас интересны по двум причинам. Первая – пример Украины показал, что в них можно вернуться всего за пару месяцев. Поскакали на майдане и привет. Эта история показала, как в сущности тонка та защитная стена, которая нас отделяет. Раз – и ты снова там, с галопирующей инфляцией, меняющейся властью, братками и стрельбой. Те кто тоскует о свободе и настоящей политике – через полгода взвоют, но будет поздно.

Вторая причина – наше сегодняшнее житье-бытье имеет все больше параллелей с брежневским застоем и все помнят, чем кончилась тогда попытка ускорения. Травма эта до сих пор с нами, робкая попытка Медведева наладить отношения с американцами тут же привела к проблемам и отозвалась таким болезненным эхом, что видимо стоила Дмитрию Анатольевичу второго срока. Страх перед срывом в новые девяностые – это то что объединяет нацию, и элиту и низы и блокирует попытки реформ и будет блокировать еще очень долго.

Но девяностые все равно с нами. Большая часть элиты родом из девяностых. Большая часть народа родом из девяностых. Наши привычки и страхи – родом из девяностых. И мы должны набраться смелости и посмотреть девяностым в лицо – хотя бы для того чтобы с ними попрощаться.

13 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Здание администрации области (белый дом)

Табличка на двери кабинета

Внушала страх и трепет...

Гласила она – Ковалев И. Л., первый заместитель главы администрации.

Но я – привычно толкнул ногой дверь, так как руки были заняты – и оказался внутри евроотремонтированной приемной с красивой девочкой Иришей за столом...

Она заулыбалась

– Александр Иванович...

– Есть кто?

– Нет, сейчас один.

– Тогда держи.

Я сгрузил часть того что держал в руках прямо ей на стол (потому и дверь открывал ногой) – и без спроса – открыл дверь начальственного кабинета.

Игорь Львович Ковалев, он же Горик, он же Игорян, он же Мозг – сидел у себя за столом. Увидев у меня коробку, он поморщился.

– Ты чо, виски припер?

– Как можно?

...

– Настоящее вино, сицилийское. Оттуда привез? С небольшого семейного хозяйства. Не та блевотина, что в магазинах продается...

...

– Ну чо? Показали город, а?

Ковалев поморщился, он был явно не в себе

– Чего? Игорек?

– Ты знаешь, кто такой Леонидов?

– В душе не волоку.

– А он тебя откуда знает?

– Я же сказал – не волоку. Да ты чего?

– Дверь закрой.

Я поставил коробку с бутылкой на стол и закрыл дверь.

– Точно не знаешь? Может, пересекались где? На отдыхе даже.

– Как я тебе могу сказать, если я не знаю кто это такой? Может и пересеклись где, фамилии не припомню. Чо случилось то, не трепи нервы.

– Леонидов – зам главы администрации.

– И чо? Обидели его тут по ходу, что ли? Кто, когда?

– Нет. Но он почему то хочет встретиться с тобой лично. И ради этого – он даже не улетел вместе со всеми...

Опа...

– И чо? Когда встречаемся?

– А ты думаешь, я тебе для чего отзвонил?

Игорян закрыл ноут, и сунул его в сумку. Критически осмотрел меня.

– Сойдет. Только не возбуждай там, не по делу, окей? С Леонидовым посрешься, нас тут растопчут. Злопамятный дядя, многие от него пострадали.

– Где пересекаемся то?

– У Мишки. Погнали.

...

У Мишки – значит, кафе на выезде из города, там медведь деревянный стоит. Место хорошо известное в узких кругах, чего там только не было. Но перетереть там и в самом деле можно было без лишнего глаз и ушей.

Мишка так Мишка.

Пока гнали туда – подумалось о том, что все же подлую мы систему выстроили, подлую. Вот мы. Мы здесь живем. Мы никуда не уезжаем, мы патриоты своей земли, вкладываемся. Порядок поддерживаем. Но стоит нам поссориться с каким-то чертом из Москвы – и нас запинаят. Я не сомневался – так оно и будет. Скажут – ату их! Вон они! Бандиты из девяностых. И пофиг, что мы сделали для города и для области.

И Путин вряд ли поможет. Он тоже человек Системы, я это совсем недавно понял. Система – главнее любого человека, даже того что стоит на самом вершине. Если надо – она сотрет в пыль любого. Раньше, в лагерную, сейчас – не в лагерную, конечно, но сотрет.

Путину мы город показали красиво. Потому что было что показать. Область хотя и не так известна, как та же Воронежская – но у нас все на своих местах. Три крупных налогоплательщика – химия, машиностроительный и оборонка – но она под федералами. Все работает, ничего не стоит, людей даже не хватает по факту. Платятся налоги, люди ходят на работу.

И то, что поменьше – кирпичный, ЗЯБ, молокозавод, оба хлебозавода, плодоконсервный, швейка – оно тоже все работает. Что-то и в девяностые не останавливалось, что-то пустили уже в нулевые. Но – пустили, не забросили, не переделали в торговые центры.

И стройка строится. Дороги стараемся в порядке держать. Общественный транспорт ходит. Торговые сети, супермаркеты. Все как надо. Все, как и должно быть.

Все это потому что у региона есть хозяева. Настоящие, а не как у соседей. Там тоже дети девяностых пришли – смотрящий за областью, вор в законе и губернатор – женаты на сестрах. Это как – норм?

А у нас воровского хода нет. Мы все ворье еще давно – кого выдавили, кого приговорили. Они до сих пор называют Белогорск ямой – тут четыре вора в законе полегло. А надо – и пятый будет, и шестой...

Я – тоже в этом участвую. Я – на своем месте, Игорян – на своем. Он – Мозг, мы его так еще с девяностых называли. Он в политику пошел – помню, он еще с чеченами как то на базаре съехал, что никому не удавалось. Я больше по бизнесу. Хотя группировка наша существует, общак – существует. Просто мы уже давно не трем с чеченами и не обираем людей на рынках.

Почему?

Мозг по-умному говорил – но я и без Мозга понимал, что то как мы жили в девяностые – так нельзя. Нельзя просто раз за разом приходиться к человеку и отбирать у него. Раз отобрал, два, три. Рано или поздно – даже заяц взбунтует. Все это получалово с рынка, с ларьков, с точек – все это от лукавого. Так можно сколотить первоначальный капитал – но жить так нельзя.

Мозг как то давно сказал – когда нам по полтиннику будет, мы так же будем получать? Или уже не сможем?

Мозг правильные вопросы задавал. И ответы на них мы нашли – правильные. Те, кто такие вопросы не задавал – кто сбухался, кто только вышел, пятнаху отмотав, и ищет где себя приткнуть. А мы – вот мы. Мы – здесь. И это наша земля...

...

У Медведя нас встречал сам хозяин, Гиви. Просто карикатурный грузин, но готовит хорошо. Он давно еще с Тбилиси бежал, там война была, прямо в городе. Его в милиции током пытали. Здесь – он открыл точку, одна из первых точек с которых мы получали. Но теперь у него ресторан и две гостиницы. И мы с него больше не получаем. Точнее, получаем, но иначе. Потому что времена сейчас иные. Не девяностые...

Мозг сразу прошел к лестнице на второй этаж, где кабинеты, я тормознулся

– Как дела, Гиви? Работаете?

- Работаю мало-мало. Раньше конечно лучше было.
- Дебиторку когда закроешь?
- Так не с чего пока закрывать, клиентов сами видите...
- Гиви, друг, я тебя своими проблемами не грузжу, так? И стопотгрузки пока не делаю.

Но всему есть предел, верно?

– Но мы платим...

– Ты не наращиваешь, это верно. Но все равно – надо уменьшать. Отзвони в офис, составьте график. Давай, хотя бы половину закрой для начала. Потом поговорим...

Вот так вот. Раньше мы так не говорили. Но раньше и время другое было.

...

Наверху, на втором этаже – есть кабинеты. Есть покушать, есть для тех, кто с телкой желает уединиться – я и сам пару раз сюда ездил. Но сейчас – как я понимаю, иметь будут нас. Потому что Москва всегда права – это первое правило. А правило второе – если Москва не права – см. правило первое.

Но мне пофиг. Я все-таки не зря в Италию ездил. Как сказал мне мой друг, синьор Винченцо (или дон Винченцо, но так только за глаза) – если тебя заставили поклониться, поклонись очень и очень низко. И помни об этом до тех пор, пока не получится отомстить.

Старые, но действенные правила.

Игорь проскочил первым, я поднимался не спеша – не стоит показывать всем, что ты голоден, не стоит проявлять слишком большой интерес к тому, что тебе интересно – вообще, вести себя надо солидно. В кабинете – дверь была прикрыта, шторы опущены, негромко играла музыка – Гиви постарался, классическую поставил. Правда Бетховен это не совсем то под стол – но сойдет, наверное в интернете нашел, а больше ничего и не знает. Стол был накрыт правильно – дорого, но без кабацкого шика. И – по-русски, блюда правильно подобраны. Гиви хоть грузин, но он русскую кухню любит, у него даже придуманные им блюда есть...

– Добрый день.

– Добрый.

Это, похоже, и есть Леонидов. Сорок с чем-то, одет дорого, но без понтов. На руке какие-то часы, с турбийоном, Швейцария. Дождется он визита прокуратуры – хотя, может, ему то не грозит. Какие-то прилипчивые глаза, похожие на глаза нашего районного прокурора во времена моей далекой юности – он потом сильно поднялся, уже в Москве за взятки загремел. Еще и гомик был...

Кстати, знаете, почему чиновники так любят дорогие часы? Есть часы, которые стоят миллион долларов. Это реальная цена без шуток. Нет ничего, что бы весило так мало и стоило так дорого. И если надо сваливать, даже если ты просто схватил несколько корбочек с часами – уже голодным не останешься.

Правда и тут – засада. Я когда был в Москве, краем уха слышал – вскрыли какую-то группу у часового дилера. Они подсовывали клиентам дорогие подделки. Хорошую подделку, которую не отличишь от оригинала – можно купить от шестидесяти штук. Это рублей. Вот, один из них работал в часовом салоне. Туда приходили часы, этот шнырь сверял номера и сообщал сообщникам. Те гравировали такие же номера на подделках и в нужный момент часы подменяли. У дорогих часов есть индивидуальные номера, по ним можно удостовериться, действительно ли это оригинал – но фишка в том, что номер то совпадал. Номер совпадает, часы продаются у официального дилера, с гарантией – что еще надо? Вот и выкладывали по двадцать, по тридцать, по пятьдесят штук грина за галимое палево...

Но со мной такого не прокатит. Я разбираюсь в часах.

А этот... может и у него на руке – фуфлю. Вот, смеху было бы...

– Леонидов Савелий Яковлевич.

– Ломов, Александр Иванович

Леонидов зачем-то задержал свою руку в моей, но отпустил. Пальцы у него были слабые.
– Александр Иванович... времени не так уж много, вечером я должен быть в Москве, поэтому сразу к делу...

...

– Не думайте, что из Москвы не видно, что вы делаете для города и области. В последнее время вы на хорошем счету, а прошедший визит показал, что дело обстоит даже лучше, чем мы себе представляли. Ваши успехи заметны, особенно на фоне предыдущего, совсем не блестящего... управления регионом. Потому – хотелось бы поблагодарить вас...

– Это не мои заслуги. И не Игоря Ивановича. Наш вклад невелик, это общая работа.

Леонидов явно такого не ожидал. Сказал как-то неопределенно.

– И скромный еще. Это хорошо.

– Почему вы решили, что я скромный?

Леонидов кивнул на руку

– Часы, например. Наши, не то, что некоторые Ролекс нацепят, потом какой-нибудь блоггер это заметит.

Я покачал головой

– Это коллекция.

– Коллекция?

– Да. Хобби такое. Коллекционирую часы, советские и российские. Механические часы хотя бы время от времени надо заводить, надевать, иначе они деградируют.

– Много часов уже?

Я пожал плечами

– Не считал. Сотни две, наверное, уже есть.

– Хорошее хобби.

...

– Давайте откровенно. В партию, почему не вступаете?

– А кто мне предложит?

– А вам и не предлагали?

Замглавы посмотрел на Игоря, тот быстро сказал

– Недоработочка, Савелий Яковлевич. Исправим.

– А если предложат?

– Откажусь

– Почему?

– Зачем оно мне? Я беспартийный, политикой не интересуюсь. Часы, бизнес, футбол.

– Да, про футбол мы слышали...

...

– У меня, кстати, есть знакомые в РФС. Хорошие знакомые.

Я подумал – неужели уже сейчас приехали вымогать деньги за переход в премьер-лигу? Да быть не может. Хотя – а почему нет то?

Ну и суки...

Неужели на таком уровне...

Наша команда – Металл-Белогорье – играла в ПФЛ, втором по силе первенстве России. Немалое достижение – делал я ее из заводской команды, ранее выступавшей на первенстве области. Конечно, я не Сергей Галицкий – но вложения в детский футбол дали результат – при небольшом бюджете мы уже третий сезон штурмовали верха первой лиги и были близки к успеху.

Немного расскажу, раз уж к слову пришлось. Мы штурмуем верха первой лиги с бюджетом всего под сотку – то есть сто миллионов рублей на сезон. Это мало. Это откровенно мало

– но мы играем и мы не в долгах. Потому что как мне кажется, мне удалось найти стратегию клуба, отличную от обычной для России и дающую результат.

Почему у нас в футболе такое позорище? Мне кажется, беда в неправильной мотивации. Полно легионеров с запросами. А зрители не ходят смотреть, потому что на поле за их цвета бьется неизвестно кто – они не знают этих гастролеров, не росли с ними на одних улицах, не играли в одних дворах – смысл на них ходить?

Легионеру тоже ж... рвать за чужой город... глупо как то.

У нас – все по-другому. Для начала – мы играем от школы. То есть все боевые команды на всех уровнях – это команды школы. У пацанов мотивация – они бьются за свой город, за свои цвета. Если они будут сливать или халтурить – им потом на улице стыдно будет выйти. Обходятся они нам в несколько раз дешевле чем легионеры. Но они знают, почему получают скромные зарплаты. Потому что они твердо уверены, что если проявят себя, то получат место в команде. Их не заменят на легионера, им дадут играть в основе, им дадут засветиться, подписать первый профессиональный контракт. Если ими заинтересуются крупные клубы – мы их продадим. Понятно, что они будут в таком случае на сто один процент выкладываться.

Ну и нет дерьма всякого левого – с агентами, прочей дрянью.

Сотка – это даже много, просто на академию много уходит. Часть дает область – Мозг старается. Часть – собираем по кругу, со всего крупного бизнеса – социальная ответственность, типа. Но получается все равно немного. Совсем немного для таких результатов. Просто у нас не воруют и не осваивают. Я ноги поломаю если узнаю.

– Мы пока не готовы к выходу. Нас все равно не сертифицируют, стадиона нет. Тот что есть – для премьер-лиги не подойдет

Леонидов покачал головой

– Есть федеральная программа строительства стадионов. На условиях софинансирования. Если область даст треть, две трети вкладываем мы.

...

– Чтобы вы понимали – Первый доволен тем, что увидел. **ОЧЕНЬ** доволен. Если вы выступите с конкретными инициативами – вам будет открыт зеленый свет.

Я не понял этого **ОЧЕНЬ**. Но промолчал

– У вас, кстати, насколько серьезная связь с фанатами?

– Ну... работаем. У нас клуб коммерческий. Продаем атрибутику. Работаем, чтобы драк не было, чтобы люди на футбол ходили, а не на драку.

– Ваш клуб – интересен тем, что у ваших фанов со Спартак-Москва почти одинаковые цвета.

Я кивнул, хотя ровным счетом ничего не понимал.

– Александр Иванович... вопрос такой... несколько интимный. Как вы относитесь к Путину?

Я представил, что сейчас чувствует Мозг. Как бы в обморок не грохнулся

Но я ровно ответил

– Уважаю.

– За что, позвольте спросить...

– За что...

...

– Знаете, когда я купил свою первую квартиру... это было как раз в первом – знаете, сколько она стоила?

...

– Триста сорок тысяч рублей. Я это хорошо помню. А еще раньше – ткацкая фабрика восемь миллионов стоила. Я это знаю, потому что я ее тогда и покупал. Не работала она – ни

черта. Триста человек зарплату два раза в год видели. Половина – матери – одиночки. При Советском союзе две тысячи работали.

...

– Это не так то просто – сделать так чтобы то, что в грязи валяется – оттуда поднять, и чтобы это заработало и стало что-то стоить. При Ельцине – все так в грязи и валялось, и все были так увлечены политикой, что на реальные дела и внимания то не обращали. Просто... есть откуда-то деньги – и есть. Мало – ну а что делать. А сейчас – все работает. Каждый из нас разбогател – кто в несколько раз, кто в несколько десятков, а кто и в сотни раз. Но если бы в Кремле порядок не навели...

Леонидов явно задумался – он такой речи не ожидал.

– Почему вы все-таки в партию вступить не хотите, если так думаете? Партия – это не добровольная бюрократия, как некоторые думают, это субъект коллективного действия. Членство в ней... полезно.

– Спасибо, одной партии уже хватило.

– Состояли?

– В пионерии. Из комсы выгнали.

– Зачем?

– Выступил против травли Ельцина... дурак.

На самом деле выгнали меня по другой причине – но сейчас не суть. Только когда меня выгнали, я понял – еще бы немного, и мне бы так там промыли мозги, что...

– Из-за этого политику не любите?

– Ну, в общем да.

Леонидов кивнул

– Могу вас понять. И тем не менее. Если вы не занимаетесь политикой – политика занимается вами.

...

– Есть основания предполагать, что определенные силы как внутри страны, так и вне ее – начали подготовку к событиям 2024 года. Обратите внимание – я не говорю «выборам», я говорю «событиям».

...

– Потенциально – нас ждет либо майдан, либо попытка майдана. Но попытка очень серьезная.

...

– Основываясь на украинском опыте, можно предполагать, что одной из ударных сил будут агрессивно настроенные болельщики. В украинском сценарии – именно объединения болельщиков стали едва ли не единственной силой, которая смогла быстро, буквально в течение суток – отмобилизовываться для организованных силовых акций.

Вот оно чо...

– ... У вас... Александр Иванович – ситуация почти что уникальная. С одной стороны – у вас успешный футбольный клуб, представляющий область. С другой стороны – у вас налажен контакт с болельщиками. С третьей – ваше объединение болельщиков находится в дружеских отношениях с наиболее крупной фирмой – так называемыми «спартачами». Которые в силу определенных причин представляют наибольшую опасность. Да и вы сами... если мы не сможем говорить с фанатской средой на одном языке – то вы сможете.

Бежит ОМОН, кричит ОМОН, стреляет на ходу. Как жалко что вас не было в семидцатом году...

– Далеко не все и не всегда решается ОМОНОм?

– Верно. Ставка на полицейское насилие – путь в тупик.

...

– Вот мы и хотим понять – в какой степени мы можем на вас рассчитывать.
Интересный вопрос. Ответ – может быть не менее интересным. Но я сказал одно только слово

– Звоните.

Леонидов какое-то время пристально смотрел на меня, потом кивнул

– Хорошо.

Далекое прошлое. 1988 год. Россия

1988 год...

В тот самый год – к нам прибился Игорек, Мозг – и во многом благодаря ему мы стали тем кем мы стали.

Получилось все совершенно случайно, случайнее не придумаешь. Мы шли из горсада, там стрелка была, тогда еще кстати слова «стрелка» не было. И увидели, как за школой – несколько местных уродцев шпыняют пацана. Портфель отобрали и вывернули, карманы вывернули, а теперь скоты просто развлекаются. Встали в круг – один ударит, другой. И ржут.

Чтобы вы понимали – в советской школе коллектив делился на тех кто издевается и тех, над кем издеваются. Школа была бесплатной и обязательной, никаких способов воздействия на малолетних подонков не было. Нет, конечно были, ими все время угрожали – поставим на учет, пойдешь в ПТУ. Но реально это никого не пугало – большинству из тех кто издевался, и так ничего кроме ПТУ не светило. И они прекрасно знали, где надо остановиться, чтобы против них не врубили действительно серьезные санкции – например, отправили в колонию.

Я сам в советской школке учился. И прекрасно знаю, кто издевался и почему. Советское бесклассовое общество на самом деле было классовым, и те кому ничего не светило – уже тогда это понимали и как могли – по-пацански мстили тем кому светило. Типичный социальный портрет школьного подшибателя – мама медсестра, батя рабочий, бухает и поднимает руку на семью, потому что на семью можно, а так посадят. Шансов подняться никаких, одежда и портфель – самые примитивные. Понятно, что они сбивались в стаи и творили что хотели...

А мы...

Знаете... у Ларина было такое... он мог врубиться в ситуацию на пустом месте. В нем было чувство справедливости. Вот я никогда так не делал, за друзей сам Бог велел, а в какую-то левую ситуацию – проходи мимо.

Вот Ларин увидел происходящее – и остановился

– Э, пацаны! А вам никто не говорил, что шестеро на одного не хорошо.

Пацаны обернулись. Заводила у них был второгодник и у него вернулся из армии старший брат. Это придавало ему чувство неуязвимости и он на беду не понял, кто перед ним и чем все это грозит...

– Сами разберемся! – нагло сказал он – идите своей дорогой

Ларин подошел ближе

– Ты чо, сучонок – весело сказал он – старших не уважаешь?

Остальные поняли опасность.

– Я брата приведу – сорвался один и побежал к четырехэтажным домам, выстроенным при раннем Хрущеве

– Ты чо, оборзел совсем?

– У меня брат из армии пришел – сообщил отморозок и соврал – он в ВДВ служил.

Ларин улыбался

– Да срал я на твоего брата, понял? Ты никто, понял. И брат твой – никто.

...

Правда, когда из ближайшего дома вывалились набуханные дембеля – стало как то невесело. Но не Ларину. Он огляделся, поднял половинку белого кирпича, засунул в карман куртки и застегнул молнию. Я свел руки за спиной, вытащил из-за пояса короткую, но действенную как римский меч дубинку из строительной арматурины и сунул в рукав.

Дембеля приближались.

...

В драке мы победили с разгромным счетом. Брат отморозка попал в реанимацию с проломленной головой. Я своей дубинкой свалил двоих точно – у одного перелом ключицы, у другого челюсть, зубы, черепно-мозговая...

Бедные дембеля. Они уходили защищать одну родину – а вернулись совсем в другую. Еще не освоились после возвращения и не поняли, что на улицах теперь не дерутся – на улицах убивают. В их Советском союзе появление старшего брата – это козырь, который можно перебить своим старшим братом или отцом. Но никак не кирпичом в кармане, который прекрасно череп проламывает. У них драка – это своего рода развлечение, способ силу молодецкую показать. А мы дрались уже насмерть.

Нам светило совсем плохое – но пацан над которым издевались – у него непростые родители были. Мать на мясокомбинате работала, а отец был директором местного торгового техникума и в этом качестве был на короткой ноге со всеми торгашами города. Он выслушал сына, как за него вступились незнакомые парни – и понял, что надо действовать.

Местное РОВД – получило продуктовые наборы, которые полагались только обкому партии. И по здоровенному кусану мяса без костей. После чего дядя Степа Марков, который был районным опером – навестил потерпевших и предельно жестко объяснил, что теперь будет. Тот пацан, над которым издевались – родители напишут заявление, что у него отнимали деньги и вещи и били. И это будет уже очень невеселая статья – сто сорок шестая, часть вторая. Разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору. От шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества. И двести десятая прицепом. Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. До пяти лет. С частичным сложением если – все равно как раз пятнаха и выйдет...

То, что разбойники в итоге в больнице – это никого не будет колебать, ни следствие ни судью. Из школы, в которой только и мечтают избавиться от малолетних отморозков, плохо учащихся, срывающих показатели и терроризирующих классы – напишут такую характеристику, что ни одна тюрьма не примет. И письменно подтвердят, что старший брат оказывал плохое влияние на младшего – хотя он только из армии пришел.

Опера поработают с гоп-компанией дембелей – и те, кто менее виноват – за возможность соскочить дадут показания, что так все и было. Судья тоже любит мясо кушать и желательно каждый день. Старший на пятнадцать лет поедет зону топтать, младшего – либо в колонию, либо в спецшколу, на выбор. Или – пишем отношение, что пьяный споткнулся на лестнице и разбил голову, тем более что в крови алкоголь найден. В суде это, кстати, будет отягчающим обстоятельством – тогда на излете был сухой закон, и за преступления совершенные в пьяном виде карали очень строго. И кстати, а откуда, алкоголь взяли? Может тут гонит кто, а? Еще одна статья, тем более что преступление совершено в пьяном виде. Значит – притон, могут и из квартиры выселить.

Семья была небогатая и без связей наверху, отец – рабочий. На то, что сын отнимает у одноклассников деньги и вещи ему жаловались, но он втайне считал что так и правильно – так и надо этим буржуйам. Сыну ручки он не покупал, портфели тоже – лучше свободные деньги пропить, на бормотуху не хватало. Он и отнимал у одноклассников. Теперь: старший в больнице, младший с перспективой колонии и можно квартиру потерять. Он не понимал что делать, он был простым работягой, по рабочим дням вкалывал, по выходным нажирался, ходил на демонстрации, отправил сына в армию – и что делать с внезапно пошедшей против него государственной машиной – он не знал. В итоге – он сделал то что от него требовали, с горя нажрался, поставил фингал жене и жестоко выпорол младшего сына, вымещая на нем за несправедливость жизни.

Игоря в школе больше никто не обижал и ничего не отнимал – зловещая слава участника молодежной группировки теперь защищала его лучше завуча и пионерской организации...

Что касается нас – то мы стали вхожи в дом к Игорьку, Лев Игоревич его отец – нас к себе приблизил и стал учить уму – разуму тех, кто этого хотел. Я – хотел и слушал очень и очень внимательно то что говорил матерый зубр, тридцать с лишним лет отпахавший в советской торговле. Не родителей же слушать? Мне было очень интересно, как живут те кто выше нас, я осматривался по сторонам и запоминал. Именно у Льва Игоревича – мы десяток раз посмотрели на кассете Крестного отца и поняли, что так и надо двигаться. А потом – Лев Игоревич стал важным посредником между нами и торговлей. Он знал каждого торговца в городе и когда пришла пора ставить крыши – именно он говорил, что да, уважаемые, время нынче такое, без крыши никак – но эти парни, они не беспредельщики, я их много лет знаю, с голой ж... не оставят и пытать не будут. Нас же он учил не менее важному – оценивать реальный выторг каждой точки, понимать, сколько можно взять, а сколько уже лишку. Учил нас, дураков – что никогда нельзя забирать у человека последнее, ибо если у человека ничего нет, ему нечего терять – он становится очень опасным. И еще он учил, что в схеме не должно быть недовольных людей – это тоже опасно. Лучше взять десять раз по рублю, чем один раз – десять и потом потерять точку. Я много его слушал и запоминал.

Льва Игоревича убили воры в девяносто девятом. По сути – с этого начался наш конфликт с ворами, который шел несколько лет и в котором немало людей полегло. Потом Игорю и мне удалось отомстить, уничтожив воров в области...

Но это уже другая история...

13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Дорога

Леонидов – нельзя сказать, что он был разочарован, или ему наоборот – понравилось то что он увидел и услышал. На спецкурсах в Екатеринбурге их хорошо учили. Главное – это подход. Нет людей, которых нельзя завербовать, нагнуть, сломать. В разведке нет отбросов, работать можно с кем угодно. Важно найти правильный подход. И главное – чтобы рыба не сорвалась с крючка.

С последним – Леонидов сразу понял, что будет проблема. Человек, с которым он только что разговаривал, и который по слухам на самом деле рулил областью... он был лидером. Настоящим. Он не чиновник, в нем не вбито в мозг понятие «вертикаль». Вся та жизнь, которой живет все чиновничество – клюй ближнего, гадь на нижнего, смотри в задницу верхним – все это ему чуждо. И потому его нельзя согнуть. Можно сломать. А это плохо – с человеком сломанным работать смысла нет.

Леонидов – во время крайних событий в Киеве – был там, неофициально, работал, видел все своими собственными глазами – и не только то что происходило на улице, но и закулисы тоже видел. То что его поразило – насколько беззубой оказалась система. Насколько она оказалась не готова противостоять наглым и нарванным, готовым на всё.

В Системе лидер может быть только один – это Первый, он же Хозяин. Все остальные – винтики в механизме. Так наверное еще со Сталина повелось. И так в общем то работало до какого-то времени, но никто не понимал главного – почему это работает. А работало это на остаточном ресурсе страха. Страху того, что придут ночью, увезут неизвестно куда, поставят к стенке, отправят в Сибирь. При позднем СССР такого конечно не было – но: исключат из партии, уволят с работы, будешь работать дворником или туалетчиком или сбухаешься.

Но с какого-то момента – не стало и этого. Все что может обычный исполнитель системы – мелко гадить. Иногда крупно. Но – гадить, не более. Он пасует перед наглой силой. Если появляются люди, которые могут вломиться к нему в офис, прийти под окна, плеснуть в лицо зеленкой, сунуть в мусорный бак, разрисовать машину – он перед такими спасует. Просто – потому что кишка тонка, потому что это не его методы. Ну, охрану наймет. Но охрана сейчас... ей какой смысл за шефа умирать?

Вот так они и проиграли. Проиграли кучке отморозков с зеленкой, камнями, какими-то придурочными касками и намерением получить все и сразу.

До него – внутренней политикой занимался Хомяков, и он же курировал украинское направление. Тип тот еще. Кокаин с коньяком в любое время суток, самодельный, но очень талантливый политолог и социолог, мастер многоходовых комбинаций, великолепный знаток человеческих слабостей, умеющий как никто на них играть. Но он все про... л. Как? А очень просто. Все его методы – разбились об тупую, нерассуждающую злобу обычного украинского рагуля из деревни, об одну мысль в его тупой голове (Украина понад усе) и готовности во имя этого сотворить все что угодно. Они просто оказались слишком тупыми и упертыми, чтобы попасть в политические ловушки, которые были им повсюду расставлены. Они перекрыли все обходные пути – но не подумали, что селюки ломанутся напрямую.

Хомяков теперь попал в немилость, глушит коньяк и залечивает раненое самолюбие. А он еще с четырнадцатого предупреждал, что такой подход не пройдет. Несколько лет потребовалось – но его все же назначили. Дали шанс. Может, поздно уже – из самых разных источников проходила информация о подготовке нового майдана, в Москве.

Хомяков – начал подготовку варианта, который он назвал «Ельцин» (по документам название было другое, имя первого президента России вызывало в Кремле аллергию). Он начал поиск лидеров нового типа, похожих на Ельцина – которые в критический момент смогут пере-

хватить управление протестом, которые будут достаточно харизматичны, чтобы иметь дело с улицей – но все же будут подконтрольны Системе.

Требования к таким людям были простыми. Наличие управленческого опыта – раз. Харизматичность – два. Отсутствие страха перед толпой и страха вообще – три. Русская внешность и происхождение – четыре.

Ну и управляемость.

Ломов был не первым, кого он отсмотрел. Он вообще принял решение смотреть по регионам, потому что Москва вызывала аллергию у всей остальной России, и предложенный кандидат – москвич мог провалиться уже на старте. Но из всех – он не просто проходил, но проходил с запасом. Были дополнительные аргументы в его пользу. Контакты с футбольными фанатами – это плюс, если фанатская среда выступит за него, полдела можно сказать – сделано.

Второй плюс – недалеко от Москвы, если надо – машиной часа за четыре долететь можно. И третий, самый большой плюс – криминальное прошлое, и видимо, настоящее.

Леонидов, которому довелось насмотреться на лица, разукрашенные зеленкой, на разрисованные машины, подышать дымом от покрышек, хорошо понимал, что Ломов и такие как Ломов – они из другого теста сделаны. Если ему плеснут зеленкой в лицо – получают в ответ по морде. Поташат к мусорному контейнеру – получают пулю. Разукрасят машину надписями – найдут и вывезут в лес. Подожгут покрышки – в этом же костре их и сожгут. На символическое насилие, типа зеленкой в лицо – Ломов ответит настоящим насилием, потому что так привык. И вот против этого – организаторы майдана приема никакого не найдут. Потому что на их стороне – офисное хомячье. Они готовы перепостить пост в твиттере и плеснуть человеку в лицо зеленкой, потому что это типа флеш-моб, но они не готовы к тому, что их вывезут в лес и заставят копать себе могилу.

Понятно, что Ломов, как и его дублеры – дело будущего. Но он все равно нужен – его надо приручить и держать под рукой. Как запасной вариант, который – Леонидов это задницей чувствовал – во время выборов станет основным...

На обратном пути – в аэропорт – автомобиль Леонидова остановился на «шайбе» так звали круговое движение, от него отходили две дороги, в область и в аэропорт. Там – стоял микроавтобус Hyundai H-1, с зачерненными окнами и лишними антеннами. Такие закупались сотнями для спецслужб и полиции...

Леонидов покинул джип и пересел в микроавтобус. Там его ждал человек, постарше его, с профессионально стертой внешностью и острым, нехорошим взглядом, характерным для следователей.

Генерал ФСБ Юрий Семидворов следователем не был. Он был опытным оперативником, работал по террористическим и подрывным группам. У него было стратегическое преимущество – он родился и вырос в Белогорске, потому изнутри знал город и область. С поста начальника управления внешнего сотрудничества (курирование спецслужб постсоветских стран) он ушел со скандалом, но скандал этот был прикрытием. На самом деле его перевели в активный резерв и прикомандировали к Управлению внутренней политики Администрации президента.

– Записали? – спросил Леонидов, садясь на место спиной к движению

– Так точно.

– И как вам? Что думаете?

Генерал цинично усмехнулся

– Мы не думаем. Мы пишем.

– И что записали уже?

Генерал раскрыл папку, которую наполнил распечатками из баз полиции и ФСБ.

– Ломов, Александр Иванович, шестьдесят шестого. Уроженец г. Белогорска. Криминальный авторитет, кличка Лом. Лидер центровых...

...

– Прямо или опосредованно владеет более сотней юридических лиц, под его контролем – местный ЗЯБ, кирзавод, он владеет семью крупными магазинами в центре города, которые сдает под Пятерочки, торговым центром Озеро, крупнейшим в области. Так же под его контролем рынок, перевозки, несколько ЧОП.

– Вор в законе? – перебил Леонидов

– Простите?

– Он вор в законе?

– Нет, он не имеет ни одной судимости. По нашим данным – с криминальным миром у них давний конфликт, в области нет даже смотрящего. Лом принципиально отказывается подчиняться вора в законе, хотя острота этого конфликта спала.

...

– Второй с кем вы говорили. Ковалев Игорь Львович, он же Мозг, семьдесят первого. Так же центровой, в группировке по всей видимости выполнял роль мозгового центра – характерная кличка. Вице-губернатор области, отвечает за финансовый блок. Деньги на выборы берет у спонсоров, подконтрольных мафии.

Леонидов поморщился – слово это он не любил.

– Проверка у них давно была?

– КРУ копало в прошлом году, но ничего серьезного не нашли. Мелкие грешки, не более того – в основном по бумагам. Область финансово стабильна, уровень долга невысокий, трансфертов почти не просит – только по целевым программам работает.

Генерал закрыл папку.

– Савелий Яковлевич... это область фактически вотчина Центра. Они трансформировались из преступной группировки в нечто вроде финансово-промышленной группы с проникновением в органы власти на городском и областном уровне. Есть данные свидетельствующие о том, что Лом связан с сицилийцами.

– Сицилийцами?

– Да. Пока данные надо перепроверять, но... они сдали пятьдесят гектаров итальянской компании под строительство крупного тепличного комплекса. Согласно бизнес-плану – планируют производить экологически чистый чеснок.

– Чеснок?!

– Да, чеснок. Я интересовался вопросом, Савелий Яковлевич. Мафия сейчас занимается отнюдь не наркотиками, это все в прошлом. Одно из направлений – они получают с помощью взяток сертификаты на зеленую продукцию. Вроде как это выращено в экологически чистом районе, без химических удобрений... Скупают обычный чеснок, затем перепродают в Германию и Великобританию. Тот же самый чеснок с таким сертификатом – на полке втрое дороже. Но сейчас по Италии прокатились облавы. Мафия для сокращения расходов использует на плантациях гастарбайтеров, а те завозят в Италию коронавирус. Раньше это терпели, но теперь терпение кончилось. Массовые облавы, выдворения, посадки фермеров, лишение лицензий. Теперь нужны новые поставщики, желательно за пределами Италии, где полицейской облавы не будет. Белогорье подходит идеально. Взял в аренду земли какого-нибудь колхоза, завез гастарбайтеров – и...

Леонидов хмыкнул:

– Умно.

– Он – бандит, Савелий Яковлевич. С ним нельзя работать.

– А если в Москве беспорядки начнутся, что будем делать?

– Есть спецназ. Он подавит.

Внезапно – лицо Леонидова исказилось нешуточной злобой

– Ты мне про спецназ твой не рассказывай. Помнишь, как ты мне обещал через две недели в Киев зайти? И что? Где твой Киев? А? Б...!

Генерал смотрел на столик

– Платежи не прошли. Я что ли виноват?

– Вы все – невиноватые, б...

...

– Ломов – имеет под ружьем не меньше четырехсот человек в трех часах от Москвы – это раз. Второе – у него под контролем не меньше пяти сотен фанатов, которые еще и со спартаковским движем в близких. А ты знаешь, что такое – движ Спартака? Если надо, они весь центр Москвы по кирпичам разберут!

Генерал не нашелся что ответить. Несмотря на весь его офицерский и жизненный опыт – он Леонидова побаивался. Леонидов был непредсказуем, подвержен внезапным вспышкам ярости и никогда никого не прощал. Врагов он гнобил и уничтожал, сколько бы времени не прошло, испытывая от этого какое-то нездоровое удовольствие. С таким связываться – себе дороже.

– Мне нужен компромат. На Центр. И на Ломова лично.

...

– Писать пишете, но трогать – не трогайте. Ясно?

– Так точно

– Работай...

Леонидов вышел из микроавтобуса, бесшумно прокатилась дверь, изолируя салон машины от душного, совсем летнего мая. Семидворов достал платок и вытер лицо. Он не привык чувствовать себя оплеванным, а после каждого разговора с Леонидовым – именно так себя и чувствуешь.

Но: попал в колесо, пиши но беги...

– Поехали.

13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Лес

На обратном пути мы соскочили в лес, я и Игорян. Тут есть место такое, грибное. А дальше стрельбище военное...

Погода действительно совсем не весенняя уже была. Сейчас с погодой совсем непонятно, что творится – то тебе еврозима, когда Новый год без снега встречаем, то лето с жарой под сорок, то август – плюс пять и проливные дожди. Сейчас вот – середина мая, а погода как хороший июнь – жара, душно даже...

Встали на обочине. Я открыл окно в машине, сделал погромче музыку.

...

*Уходят волки, в оптике прицела
И всё про всё, твой выстрел наудачу
Дитя вдовы проснулось среди ночи,
Судьбу той пулей меченую прячет
Это время, не зажжённое солнцем
Это время, не зажжённое солнцем
Это время, не зажжённое солнцем
На запах крови, словно по приметам
Уже не важно, кто на что поставил,
Когда живёшь на линии запрета,
Когда не помнишь всех, кого оставил.
Это время, не зажжённое солнцем.
Это время, не зажжённое солнцем.
Это время, не зажжённое солнцем...*

...

Зелень вся молодая, трава только рост пошла, ковер одуванчиков и... красиво. Все равно красиво, как ни крути. А знаете, когда мы становимся взрослыми – что означает, что мы вступаем на долгую дорогу к смерти? Когда мы начинаем видеть красоту вокруг себя и чувствовать как идет время. В детстве, в юности – ты этого не ощущаешь, ты живешь как в цветном кино. Жадно пьешь из чашки жизни и не думаешь, сколько еще тебе осталось...

Мозг высадился из своей машины, зло пнул колесо...

– Ну, чо? Вспомнил?

Я покачал головой

– В душе не волоку, откуда он меня знает.

– Может, по Италии где-то пересекались?

– Да не было его в Италии! – психанул я – сто пудов!

Мозг достал сигареты, какие-то бабские, розовенькие

– Ты же бросил – напомнил я

– Тьфу ты!

Налетел ветер, бросил в нас уже пошедшую из-за долгого отсутствия дождей дорожную пыль. Игорян бросил не зажженную сигарету и растоптал ее – чтобы даже соблазна не было

– Это хреново.

– Что бросил.

– Нет. Что ты его не знаешь.

– Почему?

– Потому что он тебя знает. Назвал конкретно – твое имя.

...

– Значит, ему кто-то твое имя назвал. Кто? И зачем?

Зачем...

Зачем – это я уже подозревал. Схарчить хотят. Московские – они все к себе гребут. До сей поры – на нас особо не обращали внимания, мы не высовывались лишний раз. Но сейчас – коронавирусный кризис, в бюджете денег не хватает. То есть, воровать не хватает. Начали думать, где бы разжиться, кого бы оприходовать – опа!

А это хреново. Потому что москвичи по-хорошему не понимают, и по-плохому тоже. А совсем по-плохому – не хотелось бы уже мне. В конце то концов – мы долго от этого уходили, не для того чтобы в один день опять в это г... свалиться.

– Короче, что есть то есть. Теперь нам надо тише воды, ниже травы быть, пока все не прояснится. Ты что на сегодня планируешь?

Я пожал плечами.

– В церковь зайду. Потом на базу поеду, к пацанам.

– В церковь... – передразнил меня Мозг – что ты там нашел? Не надоело еще со свечкой простаивать? Ты ж все-таки не выборное лицо

– Напрасно ты так.

...

– Без Бога жить тяжело. Очень тяжело.

– С Богом еще тяжелее.

– А ты попробуй.

Мозг был неверующим. Не знаю, почему. Мне казалось, что вера оскорбляла его разум, поэтому он и не мог уверовать.

– Ладно, разбегаемся.

Мозг открыл дверь машины, хотел сесть, но остановился.

– Нас совсем недавно КРУ проверяло, ничего не нашло. Поэтому по мне ударить проблемно, фактов не хватит. Если собираются бить, то прилетит, скорее всего, тебе. Имей это в виду...

...

Если хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами.

Я и в самом деле хотел зайти в церковь, поставить столь ненавистную Игоряну свечку и побыть немного наедине, чтобы привести мысли в порядок. Но – едва я вырулил на трассу, раздался телефонный звонок. Звонили из машины охраны, и пары слов хватило чтобы понять

– Кристина Александровна...

С..а. Этого только не хватало.

Я просек в лет, что там могло произойти.

– Сейчас она где? В отделении?

– Нет, пока в торговом центре, в помещении охраны.

– Сейчас приеду.

13 мая 2021 года. Белогорская область, Россия. Город...

Старая, но банальная истина – хорошее дело браком не назовут.

Кристина Александровна, Крис или Крыса, как во времена далекой юности – моя единственная и неповторимая, б..., моя законная супруга и мать моих двоих детей. А так же источник головной боли и постоянных неприятностей.

Вместе мы уже не живем. Просто смысла нет усугублять. И так усугубили до последнего предела. Нельзя жить вместе для того чтобы ежедневно сводить друг с другом счеты. Я ей оставил квартиру, у меня остался загородный дом, и если в лом уезжать – то я и в офисе переночую, не барин. Проблема в том, что Крис все знают, как мою жену. А она – творит в городе...

Короче, мстит она мне. За что? Потом расскажу.

Знаете... бывают такие ситуации по жизни, когда правильного решения просто нет. Но решение принимать надо. И ты его принимаешь, а потом всю жизнь имеешь дело с последствиями. Вот это как раз – по этой теме.

В бумажнике у меня – фотографии моих детей. Володьки и Дарьи. Это и есть все хорошее, что подарил мне этот брак. Но, черт возьми, этого более чем достаточно...

...

Крис сидела в дежурке у охраны торгового центра. С первого взгляда определил – бухая или вмазанная, но не сильно. Рядом – мялся полицейонер.

Б...

– Что?

Полицейонер не ответил, я показал глазами – отойдем.

– Заява есть?

– Пока не писали.

– Что вообще произошло?

– Драка.

– Драка?

– В фитнесе.

– Из-за чего?

Полицейский пожал плечами, стараясь не смотреть мне в глаза. Он знал меня – не мог не знать. Знал и то, что с руководством областного ОВД я в близких, и что тот факт, что за последние пять лет ввели в строй две шестнадцатиэтажки и полностью ликвидировали очередь на жилье в ГУВД, и то что в кабинетах новые компьютеры и кондиционеры у всех, а не только у начальства... что все это не с неба свалилось. Может, он даже понимает то, что по насильственным преступлениям мы на последнем месте в ЦФО... то есть на первом, если в хорошем плане – и это потому, что в городе есть хозяева и разгуляться они не дают, ни своим ни пришлым. Да и тот факт, что промышленность работает – обстановку оздоравливает. Не то, что Тула или Иваново.

– Сильно?

– В больницу увезли...

...

– Черепно-мозговая кажется.

– Терпила один?

– Да.

– И заявы нет – второй раз уточнил я

– Нет.

– Разберемся. Я ее забираю. Сам разберусь. Руководству твоему позвонят. Устраивает?

– Ну...

– Здесь жди.

На второй этаж забежал, опережая эскалатор. Фитнесс – наши арендаторы, потому что торговый центр нам принадлежит. Менеджер зала прячет глаза, бросилась в глаза кровь на полу – немного, но плохая кровь. Густая как варенье...

– Это что, б...

...

– У вас тут что, приличное заведение или бардак?!

– Кристина Александровна...

– Мне пофиг, кто она такая – здесь приличное место, никому не позволено драки тут устраивать! Если разбираться – вон там пустырь, идите и колотите друг друга? Что, б..., неясно? У нас только что Путин в городе был!

...

– Я с вами потом разберусь. Козлы. Подарочные карты, сертификаты есть?

...

Спустился вниз. Злость уже перекипала, оставляя мерзкий привкус во рту, как будто что-то несвежее съел.

– Семья есть?

– Ну... есть.

– Держи!

...

– Подарочный сертификат – бесплатное посещение фитнеса, на полгода, вместе с семьей. Тебе, напарнику, в отделе кому надо раздашь – окей? Вот визитка, если терпила будет заявку писать – звони, это прямой. А с ней я сам сейчас разберусь. Бабы...

...

Можно вывезти девушку из деревни – но нельзя вывести деревню из девушки.

Крис была нашей, с нашего двора. Запойный батя с завода, горластая мать. Просто удивительно, как у них получилась такая дочь, из-за которой дрались даже мы, Центровые.

Она и сейчас была красивой. Правда – это ненадолго. Если бухать – то не поможет ни фитнес, ни косметология. Просто сопьешься. Я и сейчас чувствовал – она была трезвой, но когда раз за разом – запашок все равно остается.

– Что произошло?

Мы стояли на стоянке, напротив ее снежно-белого Инфинити. Это раньше моя была машина, оставил, когда уходил.

– Я спрашиваю, что произошло?

– Да эта с..а.

– Ты не можешь без этого, да?

Крис моментально окрысилась

– Я тебя не просила приезжать.

– Да нет, дорогая моя – с холодной яростью начал я – тут от тебя мало что зависит. Я все-таки публичное лицо. И если ты нажираешься в центровом ресторане, а потом начинаешь выступать, то звонят мне. И если ты кому то голову гантелей разбиваешь, звонят мне, нравится тебе это или нет. И знаешь, почему так происходит, а? Потому что я решаю проблемы. А ты их создаешь. И больше ничего в жизни не умеешь.

– Да пошел ты!

– Я уже – пошел. Хлопнул дверью и пошел. Если ты не заметила. Может – хватит уже? Если ты ненавидишь меня, ну ОК. Но дети то наши в чем виноваты?

– Это еще надо посмотреть, наши ли?

Я... не знаю, я...

Не сдержался я, короче. Если бы безопасники не подскочили – не знаю, что было бы. Запомнились только испуганные глаза Крис – вот теперь она испугалась. По-настоящему.

– Запомни, с...а, – выговаривая каждое слово, сказал я, – если дети не наши, то это значит только одно – они не твои. Чем иметь такую мать, лучше совсем не иметь никакую...

...

У машины начальник смены охраны, молодой парень по имени Витя, бывший «сириец» вежливо, но твердо забрал у меня ключи.

– Я поведу – сказал он – куда едем?

Куда...

– Давай, на Баранова.

– Понял.

Обернувшись, я заметил, как один из охранников помогает Крис сесть в машину. Он ее и отвезет домой. Сама она не доедет.

Вот так вот мы и живем. Я, она и охрана.

А иначе – не получается.

...

Я – верующий.

Я понимаю, что я плохой христианин, что я грешу и продолжаю грешить, и вряд ли после смерти меня ждет что-то хорошее. Но я все равно прихожу сюда, когда мне плохо, или когда я в гневе – в эту единственную церковь в городе на Баранова, которую не закрыли и не снесли даже во время советской власти.

Я понял, что это нужно не когда я понял, что натворили мы, центровые. Хотя натворили мы многое – но... я не верю в коллективную вину, вина у каждого своя. Как и покаяние. Винаваты не мы, виноват – прежде всего, я. И только когда ты поймешь, что виноват именно ты – только тогда ты сможешь покаяться и Господь примет это покаяние. Без осознания именно своей вины – покаяния не бывает.

А второе что я понял – я многое натворил в своей жизни и в своей семье. И в этом – я виноват не меньше. В моей жизни было слишком много дурных примеров и слишком мало духовного руководства – и именно потому я выбрал разрушительный и антихристианский путь и в жизни и в семье. И теперь – пожинаю плоды всего этого.

Служба уже закончилась, я прошел знакомым путем, постучал в дверь. Услышал «открыто», зашел. Там был отец Макарий, настоятель. Он что-то читал, но отложил книгу, и теперь смотрел на меня.

– Я... я ударил Кристину. Сильно ударил – сказал я

– Расскажешь?

Я рассказал. Все как было. Отец Макарий выслушал, не перебивая. Потом спросил:

– Зачем же ты ее ударил?

– Это непросто.

– Но раз ты сделал, ты можешь и рассказать.

– Рассказать... она сказала о том, что дети может быть и не наши. Это... оскорбление для меня. Она пыталась меня оскорбить.

– Она оскорбила, – поправил отец Макарий

– Да, – согласился я, – оскорбила

– А если выяснится, что это так и есть? Они перестанут быть твоими?

– Да нет, конечно, – сказал я, – у меня и нет никого, кроме них.

– Это сродни эгоизму. Ты любишь их, потому что у тебя...

– Да – согласился я – наверное. Но дело не только в этом. Я люблю их за то, что они лучше нас с Кристиной. Умнее нас. Они не повторят наш путь, наши глупости. За это я их тоже люблю...

...

Как сказал о. Макарий – покаяние это не конец процесса. Это его начало. Ведь как говорит священник – иди, и больше не греши.

А это не так то просто – не грешить. Но можно хотя бы пытаться. Это тоже зачтется.

Из церкви – я поехал на загородную базу ФК «Металл – Белогорье».

Как все началось с футболом? Довольно банально – попросили помочь футбольному клубу и погибающей от недофинансирования СДЮШОР советского еще разлива. Типа, социальная нагрузка на бизнес. Но там были и областные бабки, которые выделялись каждый год просто потому что должны выделяться. Я взялся. Конечно, там воровали. Клуб – это ведь великолепная кормушка для всех. Можно родственников устроить. Можно деньги списать на зарплаты футболистам. У нас ведь уже тогда была небедная область. Деньги выделялись, результат – ноль, и тому были основания. Потом – до многих дошло что выражения «с руками оторву» и «ноги переломаю» – это не идиомы. Как только до людей это дошло, так любители мелко поворовать и всякая прижившаяся шваль из клуба массово уволилась, а результаты начали появляться.

А потом до меня дошло: футбол это не просто игра. Это – свой мир со своими законами, куда можно уйти, когда нет сил жить в мире этом. И его намного проще исправить чем наш, большой мир – который исправить нельзя. Футбол – это не просто мяч пинать, это способ нарисовать город и область на карте. Кто знал Лестер до того как там появился клуб, играющий в Английской Премьер-Лиге?

А еще до меня дошло что наш чемпионат – столь слаб, что вырваться на самый верх, если не воровать, а работать и вкладываться – посильная задача, даже для нашего Белогорья.

Вот мы и стали – вкладываться.

Базу мы построили с нуля. Ну, смешно – то, что до этого было базой, это так, недоразумение какое-то. И начали мы строить команду – с детско-юношеской школы. Туда я сейчас и приехал.

СДЮШОР была на самой окраине. Тут нам повезло. Еще при Горбаче тут начали что-то строить большое – оборонный завод что ли. Коробку возвели – и на этом – надорвались. Но под него же – отвели огромную территорию, которая зарастала лопухами, пока мы не положили на нее глаз. Из федеральной собственности – недострой перевели в муниципальную, после чего – завершили строительство и как база клуба и как СДЮШОР. Потом кстати это в большой плюс пошло – то что у «боевого» клуба и у СДЮШОР одни поля и пацаны видят как тренируется взрослая команда. Мотивация очень сильная – тянуться за взрослыми...

Меня встречал Виктор Павлович Головня. Он начальник в команде, но успевает курировать и детей – через тренерский совет, где он председатель. Именно он – сохранил бывшую команду завода хотя бы как любительскую, пока не платили ни хрена и всем было не до футбола и вообще ни до чего.

Он же – понял мой замысел, создать в СДЮШОР особую параллель для пацанов с проблемами с законом. Футбол ведь чем-то родственен стрелке, верно, только разборка идет по другим правилам. Но все остальное – район на район, город на город, область на область. Бейся за свой район и за свои цвета – и ни о чем не думай.

Кстати, оказалось, что на наших улицах – пацанов талантливых хватает.

– Как? – он сразу понял, что что-то не то

– С бывшей поругался – не стал конкретизировать я – давайте...

...

В клубе я – председатель совета директоров, должность высокая – и так получается, что от директоров в основном я клубом и занимаюсь. Ничего такого тут нет, в основном документы подписать и проконтролировать чтобы не украли. Вмешиваться в работу тренеров, как и вообще любых специалистов – от лукавого, я считаю. Если ты нанимаешь специалиста и сам

говоришь ему что делать – значит, ты дурак. Специалиста нанимают для того чтобы он говорил, что делать, на то он и специалист.

Документы заняли минут двадцать, потом я спросил

– Пальч, из последних новостей: к нам никто не подъезжал?

– Да нет, вроде? – удивился он. – А в каком смысле?

– В любом. Слить матч за деньги. Продать игрока. Купить судейство. Хоть что-то необычное за последнее время.

– Да нет, вроде. Я у тренеров поспрашиваю, но...

– Началась движуха, – сказал я. – Нас попробуют либо купить, либо сломать. Либо опозорить.

– Зашевелился гадюшник, – понимающе сказал Пальч

Да, гадюшник. Современный футбол в любой российской лиге есть гадюшник, кроме может быть уж самых последних сельских и городских соревнований. Его проблема в том что через него очень просто списываются деньги – бюджетные. А там где можно просто списать деньги – там всегда появляются охочие до денег чиновники и прочее мразье. Футбол уходит на последнее место.

Там ведь как? В любом бюджете есть средства на спорт, на социалку. Их и осваивают. Футбол считается важнейшей статьёй, потому что это самый популярный спорт у электората, если с футболом проблемы – люди могут и на улицу выйти. Потому – большинство российских регионов выделяет на футбол, и деньги эти исчезают в темной дыре.

Как?

Первый способ – через аренду инфраструктуры. Я не знаю, почему так – но почти всегда и везде стадионами и базами владеет не клуб и не бюджет – а какие-то левые граждане, подсутившиеся во время приватизации, когда пятнадцатитысячник со всей инфраструктурой мог стоить дешевле чем магазин, дешевле чем ларек даже. Потому что на них – не поторгуешь.

Теперь – футбольный клуб, если он есть – первым делом сталкивается с тем что ему надо где-то тренироваться и где-то играть. Причем чаще всего подходящий стадион в области один, и хорошо если подходящий – а то придется к соседям ехать играть. Требования по сравнению с советскими временами сейчас сильно подросли, и содержать стадион дорогое удовольствие. А если еще на джип директора надо...

Второе – это сами игроки. Тема для злоупотреблений практически бесконечная. Никто не знает объективной цены того или иного игрока, все это предмет переговоров. Еще круче – агенты. У каждого из них пул подписанных на него игроков, и он за хорошие комиссионные способен «сделать» целую команду. Вопрос только в эффективности этой команды – но его интересуют только комиссии.

На игроках можно списывать не миллионы – десятки миллионов и все без толку. А потом разводить руками – не шмогла...

Если так воровать – то никакого бюджета не хватит, особенно областного. Потому и губернатор челночит, убеждает крупный бизнес помочь социально значимому проекту. И могут – если совсем повезет – прикрепить федерального спонсора, как Зениту – прикрепили Газпром. Это – еще деньги, часто в несколько раз больше чем государственные.

Разворовываются и они.

Схема такая – клуб ураганит год, два, потом он оказывается с огромными долгами по зарплате, игрокам и тренерам не заплатили – но деньги куда-то ушли. Падение, банкротство... дуб орех или мочало, начинаем все сначала...

Я это все хорошо знаю, потому, что систему изучил. Собственно с чего я начал – пришел Мозг, сказал, что надо дать денег на футбол, потому что это социальная нагрузка для бизнеса. Распоряжение сверху. Я пару дней порылся во всем в этом дерьме, потом пришел и ответил – дать дадим, но на наших условиях. Дербана не будет.

Есть ли достойные люди в русском футболе? Есть. В Москве, в Ростове, в Тольятти, в Набчалнах – они есть. Проблема в том, что против них система. Есть, например ФК Чертаново – очень достойный московский клуб. Они стоят на пороге премьер-лиги. Думаете, их туда пустят? Да ни за что? Почему? А потому, что им для Премьер-лиги, как они посчитали – надо всего двести миллионов на год. Всего! То есть, клуб может стать не только самоокупаемым, но и прибыль приносить. А это опасный прецедент. Потому что тогда возникнет вопрос – а почему у других клубов бюджет под миллиард и им постоянно не хватает? Поэтому – Чертаново будут топить всеми возможными силами. Начиная от руководства лиги, и заканчивая всей этой агентской братией. Потому что жить и не воровать – это очень опасно в русском футболе. Очень!

Топить будут и нас – уже начали. Только мы не Чертаново. Мы и укусить можем.

– С волками жить, по волчьи выть – сказал я – говорю вам, а вы скажете остальным. Отныне – ждать можно всего угодно. Вплоть до того что у автобуса тормоза испортят, а потом нас же крайними сделают.

...

– Потому предел внимания во всем, особенно на выездах. Если кто-то подкатывает хоть с чем-то левым – тот к кому подкатили докладывает вам, вы звоните мне. Хоть ночью! Мы теперь должны быть святее Папы Римского.

Я подозревал еще одно. Все это связано с приездом Путина. Готовится трансферт власти. Не просто так Путин ездит по регионам думаю. Он присматривается на местах к управленческим командам, пытается понять, кто и чего добился, и как и подбирает тех, кого можно двинуть выше. В Москве – элиты застоялись, это сразу видно. Способ расшевелить их – это кадровая инъекция с регионов причем людей голодных и злых. Но тут сразу две проблемы – сверху конечно не захотят конкуренции, а снизу – будет грызня за право сесть в вагон.

И хотя мы ни на что не претендуем – топить нас все равно будут. Как сказал Теодор Рузвельт – если какой-то парень хочет с вами драться, вероятно, драка состоится, хотите вы того или нет.

– С пацанами тоже поговорите – чтобы ни во что не влезали. Сейчас если кто-то влетит – его могут запрессовать по полной, на страх всем остальным. Чтобы глаз да глаз...

– Кстати, про пацанов...

Мне это не понравилось

– Что?

...

Игорь Тихомиров был нашим воспитанником, вратарем. Внешне неуклюжий, но цепкий, и главное – не боится, нет в нем страха. Это правильно. Ломать его нельзя. А вот ума не было.

Зато был гонор. Это польское понятие – но и у нас его хватает. Когда человек виноват – он либо винится, либо смотрит на всех с вызовом. Вот Игорь так на нас и смотрел.

А вина его была в том, что он не соблюдал режим, пошел в какой-то ночной клуб, и других к этому подбивал, кого-то подбил, кого-то – нет. На тренировку явился с опозданием, нахамил администратору. Потом выяснилось, что были наркотики. Некоторые футболисты считают, что если от той же травы нет запаха, то она лучше выпивки.

Велика ли вина? Да это как сказать. Тут скорее не вина, тут скорее проблема самоопределения. Как ты хочешь играть в футбол? Если на любительском уровне – то можно жить обычной жизнью обычного пацана, включающей в себя и загулы. Если на профессиональном – то этого себе позволять нельзя.

Футболисты взрослые позволяют? Ну, и где наш футбол в итоге? Ага. Именно в том самом месте. Не счесть талантливых ребят, которые загубили карьеру просто такими вот загулами и отсутствием мотивации. И начинается все вот в таком возрасте.

Но вот этому пареньку я могу помочь. Конечно, он сам должен себе помочь, сам должен принять решение. Но на правильные мысли могу его натолкнуть и я. Вообще то должен отец. Но сейчас у многих нет отцов. Даже у тех, у кого он живет в семье.

– Как думаешь, в чем разница между сильным человеком и слабым? – спросил я, показав тренеру что он может идти.

...

– Отвечай, что, сказать нечего?

– Сильный, это тот, кто все выдержит? – неуверенно сказал Игорь

– Не-а. Ни черта не так.

...

– Все выдержать – этого мало. Так и тупой может. Сильный – это тот человек, не прогибается ни перед кем. Ни перед женой. Ни перед друзьями. Ни перед врагами. Но научиться не прогибаться перед друзьями – еще важнее, чем стоять перед врагами. Улавливаешь?

...

– Ты пошел в ночной клуб, или куда там. Кто-то принес траву или колеса или чего еще там. Пошло по кругу. Сильный человек скажет – не, пацаны, я в футбол играю. Он не боится показаться слабым или некомпанейским там – потому что он сильный, ему все равно, кто и что будет про него думать. Для него есть важное по жизни – футбол, и от этого он исходит.

...

– А слабый возьмет и затынет или глотнет. Сразу там, или уговорят. Потому что он слабый. Потом его так же жена будет пользоваться. Поддай, принеси, выкопай картошку родителям, где зарплата. И так далее. Человек становится подкаблуком. И везде его номер будет шестой – в обществе, в коллективе. Везде. Что понял из сказанного?

Пацан смотрел в пол

– Все понял? Еще хоть раз поймем на наркотиках, будешь мяч во дворе пинать. Пока жена домой не позовет. Иди.

...

Головня был одним из тех людей, с которыми можно было поговорить по душам. Не по всем вопросам, конечно.

Но по многим...

– Как думаете, понял?

Головня отпил из своей банки – у нас тут пиво было. Безалкогольное, его можно. Он бросил курить пару лет назад. В почти шестьдесят. Это я ему как то сказал: вы говорите пацанам про здоровый образ жизни, а сами курите – это как? Он задумался – а потом бросил.

– Понял. Почти наверняка – понял.

Головня еще отпил

– Вам бы тренером работать.

– Это почему?

– Есть у вас талант. Педагогический...

– У меня?!

– У вас, у вас. Я бы так не смог сказать. Убедительно.

Я невесело усмехнулся

– Виктор Павлович, я только пару часов назад разбирался с женой. Бывшей. Которая бухая кому-то голову проломила гантелей. И которая на меня срет. Жидко и с удовольствием, при любом удобном случае. Я ей сейчас высказал – как думаете, до нее хоть на миллиметр дошло сказанное? О чем вы?

Я смотрел на противоположную сторону поля – там строители устанавливали мачты освещения. Строить надо быстро, иначе воровать начнут. А жить еще быстрее надо.

Стемнело совсем.

Далекое прошлое. 1990 год. Белогорск, Россия.

Побледневшие листья окна
Зарастают прозрачной водой
У воды нет ни смерти, ни дна
Я прощаюсь с тобой
Горсть тепла после долгой зимы
Донесём.
Пять минут до утра
Доживём.
Наше море вины
Поглощает время-дыра
Это всё, что останется после меня
Это всё, что возьму я с собой
Это всё, что останется после меня
Это всё, что возьму я с собой
ДДТ *Это всё.*

В тот год – еще никто и ничего не предвещал. Страна – казалось, стояла еще прочно, подобно замшелому камню под ударами волн. Сколько не бей – ничего ему не будет...

О чем думается, когда тебе ...надцать? О дурном, наверное, хотя... дурное ли это. Где взять денег на сигареты или «огнетушитель» – бутылку дешевого пойла. Как затащить в постель свою первую девчонку. О том, что скоро в армию – идти. Ну и школу как то надо заканчивать, и думать, как поступать.

В тот год – почему то были популярны темы насчет СПИДа. Количество заболевших в СССР исчислялось еще десятками, даже не сотнями – но журнал «Здоровье» расхлывшийся миллионными тиражами написал про СПИД – и пошло – поехало. Бабы теперь отказывались давать без резинки, а достать резинку было не так то просто – дефицит. На рынке из-под полы торговали календариками с голыми бабами – называлось это «АнтиСПИД».

Иметь такой календарик хотели все пацаны.

Еще – все смотрели Спрут по телеку и Кашпировского. Последний – через телек лечил болезни и заряжал воду. Когда вещал Кашпировский – а он вещал на первом канале – все садились перед телеком, ставили на табуретку банки с водой и крема – заряжать.

Политика... да как то тогда не до политики было. Народ был вообще не политизирован. И не верил, что политика может что-то изменить. Все это казалось говорильней, очень далекой от насущных нужд. То что политики могут страну развалить – об этом и думать не думали.

Ну и пытались хоть чем-то отоварить деньги в условиях стремительно разрастающегося дефицита. Уже начали бастовать шахтеры, чтобы заткнуть недовольство – власть бросала туда все свободные ресурсы, пока было что бросать.

Потом не будет.

– ... Значит, стоит Бородулин голый. И она тоже голая

...

– Он ей говорит. Так. Сейчас мы будем е... ться. Только возьми вот это. Чтобы СПИДом не заразиться.

– Врешь ты все.

– Клянусь, слышал. У нее окно было открыто.

Говорили про Ирку – предмет вожделения подрастающего поколения района. Бородулин – только что вернувшийся из армии остопоп, который вместо того чтобы устраиваться на

работу – бухал и портил девок в районе. Жить ему осталось недолго – его убьют в девяносто третьем. Но этого тогда никто не знал...

– И чо?

...

– Слушай, а может зайдём к ней?

– И чо ей скажем?

...

– Бородулин тебе шею свернет. Она у него личнуха.

Несмотря на то, что в СССР официально секса не было – у всех девчонок района он был. Делились они на две категории – личнухи и долбежки. Личнухи – принадлежали какому-нибудь парню. Долбежками – пользовались все подряд, потом заезжали на КВД на лечение, а девчонка шла на два года в колонию за умышленное заражение группы лиц венерическим заболеванием. В школе читали про Татьяну Ларину, но это было мало кому интересно. Жизнь была совсем другой.

Потом сидит такая под венцом, глазки потупив – и не скажешь, что у нее за плечами уже пара абортот и курс лечения в КВД...

– Слышь, пацаны!

...

– А пошли на базар.

– А чо там?

– Я знаю, где арбузы хранят.

– Там не достанешь.

– Достанешь!

До базара добежали быстро.

Арбузами – как и всеми фруктами на базаре – торговали кавказцы. Цены кусались, а денег не было даже на дешевое молдавское пойло.

Они хранились в таком загончике. Сделан он был наспех, сварен из каких-то прутков, секций забора, выломанного в соседнем детском садике и покрыт ржавыми листами железа – без претензий. И там лежали арбузы. Но их просто так было не достать. Надо было взять лыжную палку, проткнуть ею арбуз, потом на палке подтащить его к проделанной дыре и попробовать вытащить. Если не получается, если арбуз сорвался с палки – начинай все заново.

Короче, сделали все как надо. Сначала выслали разведку – двое пацанов пробрались на рынок (камер тогда не было, ничего тогда не было, перелез через забор и всё). Прокрались между рядами, послушали, посмотрели. Вернулись назад.

– Можно. Гульбанят они.

Дальше – подобрались к тому загончику, где хранили арбузы, в несколько рук отогнули скверно, как соплями приваренный лист стали...

Вот они. Арбузы! Только не достанешь.

Ничего. В загон – лыжную палку, проткнуть ей арбуз и попытаться подтащить к «пролomu» в стене, а дальше – вытащить. Если арбуз сорвался – начинай все сначала.

– Сорвался.

– С..а.

– Давай вон тот.

– Он лучше лежит.

– Э, ты чо? Все то подряд не порть.

Несмотря на то что делали не дело – все же какое-то понимание справедливости сохранилось.

– Давай этот.

– Да погоди ты!

Поглощенные процессом добывания арбуза, как обезьяны – бананом, не заметили как подкрался кавказец.

– Убью!

Все ломанулись бежать. Все кроме Витька – это была его лыжная палка. Если оставить ее здесь – вторая будет ни к чему, а палок в магазине не купить. Зимой будешь без лыж. Он замешкался, чтобы достать палку и поплатился – кавказец схватил его. Ударил, повалил на землю и начал пинать.

Володя Ларин остановился. Бежать, когда бьют своего?

Под ногами попался обломок кирпича. Он схватил его и кинул в чужака. Попал точно, по голове, тот вскрикнул по-своему...

– Бей его!

Остановился кто-то еще. Потом еще. Потом бросились в драку.

На выручку кавказцу бежали его соплеменники...

...

Опером района был Марков Женя. Степан Леонидович его звали. Формально он не должен был заниматься детьми – для этого существовала инспектор ИДН, полная тетенька в форме, которую никто не уважал. Но так как побоище на рынке было серьезным – разобраться поручили Маркову.

Он появился через два дня. Как раз тогда мы играли в карты. Молча сел за стол – к которому мы стащили две скамейки от подъездов.

Бито – кучей лежало на столе. Он взял карты, молча сунул в карман джинсовки – тогда джинсы были последним писком.

Мы молчали.

– Позавчера, на Лихарева, – спокойным тоном сказал он, – кто был?

Все молчали. Потом Ларин как старший сказал:

– Не мы.

– А кто?

– Откуда нам знать?

– Вы края знайте. Там девчонку догола раздели. Мать у нее работает в горисполкоме. Ровно это не пройдет.

Раздели – сегодня тоже не понять, что это такое. Пустые полки были не только по продуктам – одежды тоже не было, голяк на полках. А одеваться хочется. Начали придумывать – обмен одеждой. Поношу и отдам. Потом отдавать перестали. Потом начали требовать – снимай. Потом начали отбирать, избивая.

– Точно не мы.

– Да? А где вы позавчера были?

Мы молчали. Марков поднялся.

– Черные вас ищут, – сказал он, – на рынок не суйтесь, и вообще, будьте пока тихо. А так... Молодцы.

14 мая 2021 года. Белогорск, Россия

День сегодня какой-то...

Сутолочный день.

Уже в глубокой ночи я подъехал к свечкам – комплексу из двадцатипятиэтажных высоток, стоящих в центре города. При СССР – у нас запрещали строить выше девяти – не по чину. Сейчас – вот так. Строили, конечно, не мы, москвичи – но все стройматериалы на площадку мы поставляли. Сейчас у меня еще одна идея появилась – пятьдесят этажей. Зачем? А для того чтобы область на карте России выделялась. Только и всего. Чтобы все понимали, что мы не в убогом совке живем, а в двадцать первом веке. Чтобы приехали потенциальные инвесторы, посмотрели и сказали – да, ребята. Это место что-то да значит. И если они такое могут у себя сделать – значит, тут и деньги есть, и распорядиться ими умеют. Давайте-ка с ними законтачим...

А еще это делается для того, чтобы рождающиеся здесь, в городе пацаны и девчонки смотрели на все на это и понимали – для жизненного успеха совершенно не обязательно уехать сначала в Москву. Деньги есть и здесь. Дела тоже. Более того – если все правильно обстряпать – их тут будет даже больше. В Москве много зарабатываешь, это верно. Но сколько – отдавать? – На сегодня всё.

Охрана вопросов не задает. Она знает, к кому – я.

С тех пор, как мы разбежались с Крысой, узаконили то, что давно надо было сделать, похоронили смердящий труп нашего брака и поставили крест – у меня нормальных отношений какое-то время не было. Почему? Ну... не то чтобы развод мне травму причинил... это только слабаки так говорят – развод причинил мне травму. П...ц.

Вместе с пацанами поехал в Тай. Там мне стало так противно – не выскажешь. Я понял, что не могу так – просто покупать мясо, как делают все остальные. Не мое это... как общественным платком соплю вытирать, представили? Но и второй раз пройти через горнило брака – я не хотел. Один раз хватило, спасибо.

Знаете... наша проблема с Крысой была в том, что у нас было слишком мало общего в этом браке. Дети? Да, дети. Но понимаете... если у вас есть деньги, то с детьми становится намного проще. Можно спихнуть их на няnek и жить для себя. Крыса это быстро поняла. И так и сделала.

Мне всегда было интереснее на работе, интереснее с людьми, интереснее дело делать. А ей оказалось интереснее жить для себя, что бы это не значило. Если бы она посвятила себя детям, я бы смог жить в семье, пусть и без любви. Если бы она пошла на работу... любую работу, хоть училкой в школу на пятнадцать тысяч, по диплому – я бы принял и это. У нее работа, у меня работа – каждому своё.

Но она не сделала ни того ни другого.

В какой-то момент я понял, что живу с женщиной, которая меня просто не уважает. То, что я делаю – она воспринимает как должное. То, что она косячит – я должен иметь дело с последствиями этого. Поговорить нам не о чем. Оправдаться за свою жизнь – мол, я всю себя посвятила детям, в то время как ты ... – она тоже не могла, да и не собиралась. Ей не нужны были никакие оправдания, она была самодостаточна в том, что творила. И в оправданиях не нуждалась.

Тогда я просто принял решение и из семьи ушел. Всему есть предел.

Постепенно – родилось и новое решение. Мне тогда еще Мозг говорил – не заводи интрижек на работе, не гадь, где живешь, аукнется потом. Но...

Получилось, как получилось.

А пока я тут душу вам наизнанку выворачивал, лифт поднял меня на двадцать пятый, куда мне и нужно. И за сим на сегодня прощаюсь.

...

Телефон зазвонил, когда было четыре часа ночи – но я проснулся. Сразу.

– Алло... да...

Я посмотрел на часы, которые положил у столика. Тускло светил третий.

Четыре почти.

– Я сейчас приеду.

Дурное предчувствие накинлось на меня.

– Что? – спросил я, понимая уже – что ничего хорошего?

– Фабрика горит.

Твою мать...

– Сильно?

Алена не ответила. Я подошел к окну, откинул темную штору. Везде где я жил – висели эти шторы, и они всегда были опущены, даже на двадцать пятом. Зарево было видно даже отсюда.

Да, сильно...

Примчалась Алена

– Я поехала...

– Я подъеду чуть позже. Не надо чтобы мы приезжали вместе.

– Хорошо. Дверь закрой.

– Будь сделано...

Вот так вот. Алена управляющая на фабрике. На пять лет младше Крысы, на десять – меня, но мудрее лет на сто.

По крайней мере, нам есть о чем поговорить, и мне ничего не надо мучительно объяснять – она и так все понимает.

Хлопнула дверь. Ключ у меня есть, закрою.

Достал телефон, включил. Глядя на далекое зарево, набрал Мозга.

– Спишь?

– Что...

– Ткацкая горит.

– Горит?!

– Из дома видно.

– Твою мать...

– Ты туда?

– Да. Там на месте встретимся.

– Давай.

Дал отбой – и тут меня как током дернуло.

А что если поджог на то и рассчитан? И кто-то там сидит сейчас со снайперской винтовкой и ждет?!

Паранойя? А то, что произошло за последний день – это как все объяснить? С чего это вдруг начались мутные мутки – и тут же фабрика загорелась? А?

С теми, кто воспринимает несчастный случай как личное оскорбление – несчастные случаи не происходят.

...

В дверь позвонили, когда я почти оделся. Я глянул в глазок, только потом открыл. Дверь из 7мм-ой бронестали, с доводчиком. Глазок – электронный.

Охрана...

– Александр Иванович... мы за вами.

– Сейчас. Только оденусь...

Оденусь...

Двадцать пятый – не шутка. Открыл окно, высунул руку. Там кондей стоял, сверху прикрытый – от осадков. Я высунул руку, нащупал пакет, припрятанный между кондиционером и крышей, осторожно потянул на себя...

Ну да, пистолет. Один из лучших – Глок-19. Я так обычно при себе не ношу, чтобы не провоцировать ментов – но иногда выхода не остается.

Как сейчас.

...

– На фабрику, Александр Иванович?

– Что я там забыл? Посмотреть, как деньги мои горят? Давайте, на металлобазу. И телефоны выключить...

Далекое прошлое. 1992 год. Белогорск, Россия

От автора

Вот вроде, совсем немного времени прошло от тех времен, о которых будет здесь рассказ. Четверть века – что такое четверть века по историческим меркам? Ничего. А что изменилось?

Всё.

Попробую кратко – как было тогда.

Вот представьте себе – мобил нету. И интернета нету. То есть совсем нету. Ни про какие социальные сети – никто слыхом тогда не слыхивал. Мобилы были у долларовых миллионеров, бригадиров бригад и прочего – и только поговорить. Минута разговора стоила несколько долларов.

Твоя социальная сеть – это твой двор, твоя школа, твоя компания. Всё. Одни и те же лица изо дня в день – и никого не забанишь, они всегда будут рядом, если не пойдут в армию, в тюрьму или их не убьют.

Вся информация – или из газет и журналов или из телека. Но на прессу денег нет.

Денег вообще нет. Во многих местах не знаешь, заплатят ли зарплату и когда. Некоторые – не получали годами, но как то жили. Но если и платят – хорошо если хватает на самое необходимое. Про то чтобы пойти посидеть в кафе – речи не идет, такое себе позволяют максимум на день рождения и то не всегда и не все.

Машина – это роскошь, даже если это десятилетний Жигуль. Ремонтируют всегда сами, для чего мужики целыми днями сидят на гаражах. Бабы руками стирают, плюс – сидят на огородах. Огороды есть у всех, иначе не выжить. Зимой все едят свою картошку.

Никаких кредитов. Проценты по кредитам заоблачные, но и так не дают. Нет денег на самую примитивную бытовую технику, все советское. Стройка везде кроме самых крупных городов – почти остановлена, потому что квартиры никто не покупает. Денег нет.

Отовариваются все на рынках. Супермаркеты – это для богатых. Никаких брендовых вещей – все одеты в самый дешевый Китай или то, что осталось от СССР. Вещи носят до тех пор, пока они не превратятся совсем уж в тряпки. Никто не меняет вещь в носке просто потому что она больше не нравится или вышла из моды.

В политике полный бардак. Меняются премьеры, голосят депутаты – но толку от этого ноль. Лучшие не становятся. У всех четкое понимание, что завтра может начаться все что угодно – например, гражданская война. Или придут, передернут затвор автомата и скажут – выметайся из квартиры. Бизнесом заниматься нормально нельзя – кругом вымогатели и кидалы. Кидают все и всех. Единственный закон – умри ты сегодня, а я – завтра.

Единственный путь наверх – это подростковая группировка. Потом банда. Но это был не только способ зарабатывать деньги (вымогая их у других). Уровень насилия тогда был очень высоким. Могли избить, убить просто так – чтобы сорвать злость на ком-то. Единственный способ избежать этого – самому представлять опасность, причем чем больше, тем лучше.

Представили все это?

А теперь представьте, как жили пацаны, которым в те годы было... четырнадцать... шестнадцать... двадцать лет. Перспектив никаких. Что дальше будет – непонятно. Из развлечений – бабы, бухло, может мотоцикл или дешевая машина.

Ничего не было ценно и дорого. Не было чего-то такого, что было страшно потерять. Изю дня в день – все одно и то же, одни и те же рожки, одни и те же дворы, учеба, которая надоела и которая все равно не даст возможностей для достойной жизни. Если ничего не ценно, совершить преступление очень просто, ничего не удерживает тебя от этого. Одно, потом еще одно, потом еще и еще.

Выхода – нет.

Можно много говорить про то что есть сейчас – да, есть проблемы. Но по крайней мере «сейчас» есть и «завтра» тоже есть. И наверное платить пятнадцать лет за ипотеку лучше чем жить в развалюхе с родителями и знать, что ты никогда из нее не выберешься.

Вот, как то так. Судить нас, тогдашних – просто. Но чтобы иметь право судить – надо самому пожить, посмотреть. Или просто – попытаться представить и примерить на себя. Тогда и говорить.

И да, еще одно. Когда кто-то говорит или думает что ему нечего терять – он сильно ошибается. Только в 1992 году стало понятно, что терять все же есть чего. Но было уже поздно.

Год 1992. Первый год новой России.

Страна развалилась как-то тихо и буднично, никто не понял, что тогда произошло. Она развалилась без грохота орудий, без митингов, без криков и грохота автоматных очередей – все это было, но было где-то далеко. Может, где-то кто-то в республиках и хотел отделения, думал о том, что вот без русских, своим умом – уж заживем. В России все прекрасно понимали – нам никуда не деться от нас же самих. Мы – были есть и будем, со всеми нашими пороками и недостатками. И потому осень все провели задницей кверху – копая картошку. Участки тогда были у всех и многие еще брали десяток – другой соток в поле – под картошку. Земля каменная, не удобренная, колхозная – непонятно, как вообще такая земля может хоть что-то рожать. И чего – выписывали навоз, на горбу таскали, лопатой раскапывали каменную землю. Страна готовилась уходить в зиму, и никто не знал, что будет весной, многие ждали голода. В ту осень сушили сухари, я это точно помню...

Зимой объявили о том что цены теперь свободные. Я это тоже помню – в тот день они практически не изменились, инфляция началась потом. Вообще, хлеб у нас не пропадал никогда. Не было сахара – это да, потому что сахар все покупали мешками и складывали под кровать. В то время многие варили варенье – сахар точно пригодится...

Если пару лет назад диковинкой были купюры в сто рублей – то в этом году напечатали пять и десять тысяч. На них уже не было Ленина...

Что касается меня – я тогда заканчивал школу и думал, куда поступать. Неопределенности не было никакой. Никто не знал, кто будет завтра и что будет завтра. Люди ничего не планировали. Но самое главное – в обычном обществе с вопросом можно подойти к отцу, к матери. Тут – ни к кому. Вся жизнь отцов, матерей, дедов, прадедов – была в один момент смыта в унитаз. И даже речи не было о каких-то там преступлениях режима, как сейчас говорят – не до того было. Никто не стал бы ни в чем каяться, просто посмотрели бы как на дурака. Просто – развалилась страна, общество, начали закрываться заводы и фабрики, не платили зарплату уже. Какой режим, какой тридцать седьмой год, о чем вы? Тут не знаешь, завтра есть деньги на еду или нет.

Я много потом понял и принял для себя за правило – никогда не иметь дело с голодными людьми. На таких нельзя положиться ни в каком варианте. Это полный бред то что пишут в литературе – мол, он бедный, но честный. Бедный человек – чаще всего дурак для начала. Или лентяй. Но честных среди бедных – я практически не встречал. Только когда человеку есть что терять – у него и ответственность реальная появляется.

Так вот, в последние годы перестройки – наши пацаны ездили в Москву одеваться. Как это выглядело – ватаги провинциальных пацанов добирались до Москвы (в том числе изда- лека, в Москве, например, одевались казанские) и рассыпалась по городу – грабить. Грабили обычно женщин, детей, подростков – кто послабее. Могли сработать ларек или квартиру – но это уже профи, по квартирам в чужом городе особо не полазаешь. Идете вы по улице – навстречу ватага, двое или трое достают ножи – снимай шапку, пальто. Сшибать шапки – это и преступлением то не считалось. Смех – но тогда деньги брали редко, потому что деньги мало что стоили. Потому кошелек часто со смехом оставляли терпиле. Ценилась одежда – ту, что не станешь носить сам, сдашь скупщику. Нормальной одежды, да и вообще одежды было так мало, что порой подержанная вещь стоила дороже, чем новая. Понятно, что никаких телефонов не отнимали – какие тогда телефоны?

Еще тогда были популярны «раздевания» машин – но этим занимались в основном местные. Вышел утром во двор, ба! – а машина стоит на кирпичках, потому что шины украли. Одно время говорят, еще лобовые стекла вырезали – дефицит был. Доходило до того, что по ночам с машин могли сливать бензин...

Ездили обычно на выходные. За уик-энд совершали по пять – семь групповых грабежей и разбоев. Милиция такие дела практически не раскрывала. Вообще, тогда весело было – некоторые пацаны, уходя в армию, уже имели за спиной до сотни нераскрытых преступлений.

Но можно было нарваться на местных. Особенно свирепствовали любера – те качались и ходили с палками и цепями. Чужака могли забить до смерти.

Что касается меня – то моя преступная карьера началась с... зажигалки.

Недалеко от моего дома был коммерческий ларек. Тогда это было важно – были ларьки от магазинов, а этот был коммерческий, так на нем и было написано. Это была такая стальная халабуда, сваренная на заводе и покрашенная половой краской. За мощными решетками виднелись ряды бутылок и блоки сигарет.

Я пошел в ларек – а тогда ценники писали от руки. Мне нужна была зажигалка, и я не увидел, сколько она стоит. Подал деньги продавцу – тот удивился.

– Ты чо, пацан. Ты за эти деньги собрался зажигалку покупать?

– А сколько она стоит?

– Кусок она стоит!

Куска у меня не было...

...

Я отошел, но недалеко, и стал думать, что что-то в этом мире не так. Эти деньги – я копил... и долго копил вообще то. Но я ни до чего не додумался – меня окликнули.

– Саня! Санек, ты?

Я подошел к старому Москвичу-412.

– Чего?

– Чо стоишь, горюнишься?

– Да так.

– Слышь, съезди с нами.

– Куда.

– Да тут недалеко. Постоишь за компанию.

Я подумал – а почему бы не съездить?

...

Дальше – мы подъехали к кооперативному кафе, вышли. Там была еще одна машина. Ларик сказал – пацаны, тут постойте – а сам пошел внутрь. Я ничего не вкуривал, но уходить было как-то стремно.

Потом появился Ларик, веселый. За ним продавец вынес огромный противень с выпечкой и чебуреками. Как потом оказалось – это нам...

...

Вернулись во двор, купив по пути еще какой-то газировки, ядовитого цвета. Начали все это есть, потом Ларин отозвал меня в сторону, сунул пацан бабок. Там было десять штук. Я удивился.

– За что?

– Ну ты же с нами был. Твоя доля.

Я подумал – так-то неплохо.

...

Уже через два месяца мы поставили этот ларек под крышу. Грузанули, короче. Когда я первый раз пришел получать – продавец узнал меня и побледнел. Но я его бить не стал – зачем? И из товара ничего бесплатно не взял – хотя крыша имела право брать все что угодно.

Вообще, чтобы вы понимали психологию рэкета и чем мы изначально отличались от прочих рэкетирских групп – рэкет был примерно тем же, чем в Средневековье были рыцари. Рыцари – людьми считали только других рыцарей, прочие же были для них не более чем плебсом, податным населением. И как и рэкетеры – рыцари ненавидели купцов и деловых.

Было распространено мнение – торгош не человек. Это говорилось вслух, это не скрывалось. Торгошей ненавидели все- и с чего бы любить торгошей представителям социального дна, из которых и комплектовались группировки рэкетиров. Да ни с чего. Их и не любили. Своими считались те, кто двигался так же как и ты, кто бился с тобой на ринге и на стрелках, ходил к одному и тому же тренеру... короче, свои. Торгош был чужим, обобрать его считалось святым делом и непреложным правом, он обжимал народ, а рэкетеры обжимали его. С них кормились и их же ненавидели. Были случаи, говорят, в Питере – когда братки брали у торговцев продукты, а потом формировали продуктовые наборы для нищих стариков и старух. Я сам не видел – но говорят, было и такое.

Торгошей разводили, имитировали наезды чтобы снять два раза дань, кидали, обирали вдвое, когда к примеру бригадир по пьяни разбил свой Паджеро и надо ремонтировать. Потому кстати ничего удивительного, что когда пришел Путин – братков удалось выкорчевать очень и очень быстро, а торгоши с чувством глубокого удовлетворения восприняли усиление государства, даже если оно начало закручивать гайки, и если начались отъемы бизнеса.

У нас было все иначе. Общение с Львом Игоревичем не прошло задаром, мы много чего выслушали и поняли – по крайней мере, я точно понял – что торгош тоже человек. Система заставляла обмеривать, обвешивать, продавать из-под полы и с заднего хода – система, а не люди. И это надо понять. Я и до сих пор считаю, что разгрома движения силами милиции и ФСБ можно было бы избежать, если бы главные по движению поняли простую как мычание вещь: торгош – это тот кто тебя кормит и другой кормушки у тебя не будет. Если бы начали в свое время хоть немного соображать, то может и не получили по пятнадцать – двадцать лет срока.

Вскоре о нас пошла слава как о людях вменяемых, которые торгошей не щемят и могут войти в положение...

Далекое прошлое. 1993 год. Белогорск, Россия

Девяносто третий год – это год, когда все стало проясняться...

В армию я не пошел – потому что поступил. Как то я этот год был одновременно и в группировке и вне ее. Я никогда не был членом группировки формально, просто я дружил с Лариным и с кем-то еще и время от времени в чем-то принимал участие. Милиция тогда на нас не обращала внимания, потому что мы были шпаной. В то время как город делили воры и афганцы. Странно... я тогда не понимал, что меня могут тупо пристрелить.

Впрочем, в тот год стволов было еще немного на руках, и многое решалось махачем. Но... в тот год и не махались особо. Кровавые разборки начались где-то в девяносто пятом, когда начали переделывать уже поделенное. В девяносто третьем места еще хватало всем... как и денег.

Вообще, вспоминая те годы, я не перестаю удивляться, как бедно мы тогда жили. Сейчас работяга имеет больше чем мы тогда. Подумайте – вор в законе, смотрящий по городу – жил на окраине в деревянном доме и ездил на Волге. Причем не новой – вроде как из гаража какого-то ведомства списали. Главный у афганцев жил в трехкомнатной квартире и гонял по городу на БМВ пятерке, которую ему пригнали из Германии – там купили на рынке подержанной. Это была самая крутая тачка города. Большинство бригадиров жили там, где они жили и до движения, а денег у них хватало на рестораны с телками, машину – девятку и видак. Волга считалась крутой машиной. Владелец праворульной японки – богачом. Одевались все в турецкую кожу и джинсы – просто у простого народа и на это денег не было. Сейчас за те деньги, которые мы тогда получали – никто со стула не встанет.

Хочу так же опровергнуть и распространенное мнение о том, что движение – это такой клубок змей. Макиавелли в действии. Ничего подобного не было. Движение – начиналось обычно с того что несколько пацанов, которые дружили с детства – вдруг понимали, что им не хватает денег. И начинали думать – где взять эти деньги. А кроме как грузануть торгашей – откуда тогда было деньги взять? Их ни у кого не было. Даже воры перешли на рэкет, потому что традиционные преступления уже не приносили дохода, ими было не прокормиться.

И никто ведь не держит в движении. Если тебя что-то не устраивает – кругом бегом. Мочить... это только редкие отморозки пойдут на такое. Ты одного отступника замочил – но в бригаде человек двадцать, и все смотрят на тебя, а прикидывают – на себя. И что им помешает при случае перейти к кому-то, у кого вменяемые понятия – а тебя сдать под молотки?

Так что в бригадах – по крайней мере, тогда все держалось на энтузиазме, дружбе и авторитете бригадиров – большинство из которых были людьми сильными и незаурядными. Они могли вести за собой – за ними и шли.

Может, если были бы какие-то другие заработки – многие из движения и ушли бы. Как сейчас – много ли осталось того движения? Пацаны сейчас идут в менты, в чиновники, причем они с самого начала понимают – зачем. Прислониться к власти и от имени ее творить что хочешь и извлекать доход. Что это – лучше чем то, что было? По-моему у нас честнее было.

Хотя я движение тоже не обеляю. Деньги потом многих испортили, очень и очень многих.

В тот год была такая тема... У нас в центре – был своего рода пятачок, сейчас там парк небольшой разбили, а тогда там торговали. Если в девяносто втором нормальные киоски были не у многих, многие торговали чуть ли не с земли, с газетки – то в девяносто третьем все массово начали вкладываться в торговые площади. Машиностроительный – практически полностью перешел с оборонной тематики на клепание и сварку различных торговых конструкций. Делали просто, но надежно – в таком ларьке из металла – была дверь с замком и можно было не уносить домой товар каждый день – а оставлять на точке. Бригады – оставляли на подкрышных территориях молодых бычков, их звали контролеры. Они присматривали за порядком и за тем

чтобы ларьки никто не вскрыл. То, что получалово было совсем ни за что – это тоже неправда, какие-то функции бригада все равно выполняла. ЧОПов тогда не было совсем.

Так вот.

Я тогда не считал, что я двигался с Лариным и его бригадой – но со стороны получалось, что именно так, а я не вкуривал. В этом году у меня появилась по-серьезному девушка, и начались отношения. И с этого то – мне пришлось определяться.

Ирина, как и я, училась в институте – но так как время было голодное, а у родителей денег особо тоже не было – подрабатывала продавщицей в ларьке. И лет было нам – на двоих сорок с чем-то, а значит – молодежи нужен был кекс, а так как и она и я жили с родителями, на квартире кекс практически исключался. Конечно, хорошо если предки на огород уедут с ночевой – так ведь они и тебя с собой потащат как рабсилу. С квадратами тогда вообще было худо, СССР как не старался – обеспечить людей жильем нормально не мог, в гостинице дорого, да и не факт что пустят. Тогда – смех, но порядки тогда были еще совковые, при поселении требовали паспорт. И штамп о браке, если селимся вдвоем. Интернета тогда не было, квартир на час или на сутки – тоже, если кто и сдавал – то развешивал объявления и сдавал на долгий срок. Кекс в подворотне или в подъезде – это как то нехорошо, я уже тогда старался быть солидным человеком, а не подзаборной шпаной. Молодежь на три – четыре года младше – занимались кексом либо вечером на веранде садика, либо – в подвале было «ложе любви» в виде пары скамеек и картона от упаковки холодильника, и не счастье девчонок, которые приобщились к взрослой жизни в таких вот спартанских условиях. Но я то уже студентом был.

И вот оставался единственный выход – ларек, где она работала. Запирается на ключ, ничего не видно, тепло, никаких осадков, места хоть немного, но есть. Лучше чем ничего, верно?

И вот – я приходил, когда уже темно, и покупатели – только отдельные творческие личности, которым не хватило, Ирина пускала меня в ларек, и мы предавались страсти. В ларьке продавались и презервативы, так что ни о чем не думай...

То, что я творю – я не понимал. Что ларек на чужой территории, и что все считают, что я двигаюсь с Лариным – и значит, приходя к Ирине, я посягаю на чужую территорию. Понятно что я ничего не получал, кроме любви – но по понятиям – пофиг. По понятиям все, что на твоей территории – твое, включая и людей...

Короче говоря, в тот день я пришел, Ирина закрыла дверь – и мы предались страсти – но в самый неподходящий момент в дверь застучали. Да не просто застучали – забарабанили.

– Открывай, с..а! Че у тебя там?!

А ларек маленький, спрятаться негде.

Короче, Ирина и я спешно привели себя в порядок. Черт этот не уходил, стучал все сильнее и сильнее. Деваться некуда.

– Открывай – шепнул я.

Ирина отодвинула засов- а засов был прочный, пруток стали больше пальца толщиной.

– Э, это че такое? Ты кто такой?

И вот, какое-то мурло. На голову ниже меня, лицо как то чем садятся на крыльцо, короче – жертва пьяного зачатья. Но борзый.

– Ты чо, тут передком подрабатываешь? Так за это платить...

Я понятно – двинул его... кто бы я был перед девушкой, если бы этого не сделал. Этот типок отлетел, но тут же поднялся. Выхватил дубинку милицейскую. Придурок придурком – он же ниже меня и руки длиннее. У меня длиннее. Короче, второй раз я его двинул так что он так и остался лежать...

...

Я как то не придавал значения ни тому, что произошло, ни испугу Ирины – я тогда не понимал, кого ударил, не понимал, что вот такой вот расходный материал – все равно находится

под защитой группировки, и ради этой защиты – он туда и вступил, ради права творить все что угодно. Он был контролером на точках – и был в своем праве. И понятно, что они наехали на Ирину и узнали, кто я такой и откуда.

Я вышел из универа и заметил стоящую девятку. А около нее паслись бычки. Тогда это все было нормально, никто не звонил в милицию, кто-то поворачивал назад, а девушки наоборот – старались пройти поближе, потому что быть женой или подружкой бандита – означало вытащить счастливый билет по жизни. Бычки в куртках мерно жевали свою жвачку (тогда все жевали, потому что круто) и когда я проходил мимо, один из них заступил мне дорогу.

– Ты Лом, да?

– Допустим.

Я уже тогда знал, что отвечать на любой вопрос по возможности неконкретно. И встал так чтобы видеть обоих.

Один достал ТТ и направил на меня.

– Базар к тебе есть. Поехали.

И вот тут – я совершил нечто такое, чего никто от меня не ожидал. И совершил тем самым первый шаг к тому, чтобы стать легендой города...

Я не испугался ствола.

Тогда времена были конкретно беспредельные – но какие-то края все же были. Пистолет – или «плётку» на сленге – носили не для того чтобы стрелять направо и налево. Убить могли – но этим занимались профессиональные киллеры или те кто проигрался в карты или просто задолжал – и за долг должен был убить. Понятно, что в этом случае нападение было внезапным, киллер делал все, чтобы оставаться неузнанным. Тут – эти двое приехали открыто, на тачке номера, их все видели, а кто-то и номера запомнил. Милиция тогда все-таки работала, и если бы они сейчас выстрелили в меня – то уже через пару дней их бы приняли по тяжкой статье. А группировки тогда подходов к ментам и судьям не выработали, взяли – садись. Группа лиц – уже отягчающие, плюс еще что-то намотают – минимум пятнаха. А тогда еще начинались терки у спортсменов с ворами, должны ли спортсмены платить в общак? Воры считали, что должны, а спортсмены, что не должны. Воры полностью контролировали зоны и следственные изоляторы, и этих красавцев – могли в первую же ночь опустить или на перо поставить. Так, чтобы на воле понимали, чем чревато не платить в общак. Я был не в курсе всех этих терок – а они в курсе, и приземляться на нары сильно не хотели. Тот черт, что стволом тряс – рассчитывал, что я испугаюсь – а я не испугался. По глупости – но не испугался. И главное – не «по глупости» – а то, что не испугался.

– Нет.

Бондики переглянулись. Они явно такого не ожидали. Тот, что со стволом – задал очень дурацкий вопрос:

– Ты че, крутой что ли?

Я не ответил.

– Он с Лариком двигается, – сказал второй, – его бригада.

Тот, что со стволом сплюнул.

– Короче, блинку знаешь? На Луначарского. Завтра в это же время туда подсаживай. Не придешь – найдем и заколбасим, понял?

Я снова ничего не ответил. Бондики сели в свою девятку и уехали.

...

Ларин тогда квартировал в дешевой кафешке, в нашем районе, рядом с общагой – там было просто, потому что в общаге было полно согласных баб. Это потом, двадцать лет спустя ее закрыли на ремонт, да так и не открыли. А тогда в ней никогда не было свободных мест. Сама кафешка была не столько местом, где питались – сколько местом, где жили и общались.

В кафешках тогда было принято сидеть часами и если ты там сидишь – значит, у тебя либо деньги, либо авторитет.

Вот, я зашел в кафешку – меня не прогнали, потому что знали. Прездоровался со всеми, потом показал Ларину – переговорить надо. Тот выждал какое-то время, потом поднялся. Мы вышли.

Я кратко рассказал, что к чему. Тот кивнул.

– Поможешь? – спросил я.

– Помочь-то помогу – сказал Ларин, – ты мне помогал, я тебе помогу. Но... ты понял, где ты был не прав?

– А где?

– Ты, похоже, уронил контролера у ларьков.

– Он мою девушку б... назвал.

– Он как хочет, так и называет. Там его земля, понимаешь. Захочет – вы... т ее и будет в полном своем праве. погоди, ты чего, в натуре ничего не соображаешь? Они там имеют с ларьков. Там все принадлежит им. А ты сунулся. Ты – свой пацан. Потому тебе предлагаю – с нами двигаться хочешь?

– А что делать?

– Что скажу. Но лавэ много будет. Будешь полезным – будешь зарплату получать, а не раз от раза. Ты пойми, Саня. Сейчас одному нельзя. Любая тварь – тебя затопчет. Если ты один. А если не один – поопасается. Ну и... ты на кого учишься?

Я пожал плечами. А в самом деле – где мне потом работать

– Учеба... все фигня это, в институте жизни не учат. Вот, смотри – кооператоры. Где они учились? А Тойоты покупают. Ну?

Я кивнул. Я тогда до конца все не осознавал.

– С нами?

– С вами.

– Вот и хорошо. Где тебе забили?

– Что?

– Куда ты завтра подойти должен?

– А... блинка. Два часа.

– Отлично. В час тут будь. Пошли, с нами посидим.

...

Короче, примерно в это же время на следующий день – мы подъехали к блинке. Это была типично советская едальня, с витринами от пола до потолка, через которые отлично получается стрелять по тем кто в зале обедает. Ларик достал из бардачка ТТШник и сунул за пояс

– Пошли.

...

Бандиты обедали за угловым столом. Среди них был и тот, которому я по башке дал, вид у него был явно не геройский. Так как дело было, в общем-то, плевое, разбор вел не старший, а один из авторитетных, но все же рядовых членов группировки. Как я потом узнал, гнали его «Маленький квадрат».

Помимо Маленького квадрата – за столом были еще трое.

Маленький квадрат, увидев меня и Ларина – показал на свободные стулья.

– Здорово, Ларик. Присядь, перекуси.

– Пешком постою – ответил Ларин.

– Как знаешь. Наш пацан с твоего пацана имеет.

– За что?

– А ты не видишь? По-беспределу наехал, по башке дал. Может, человек инвалидом от этого стал, по голове бить...

– Твой пацан первым пальцы расширять стал не по делу.

– На нашей, заметь, земле. Чо твой пацан у наших ларьков делал?

– Телка у него там.

Маленький квадрат заржал.

– Ни ф... себе. Не, ну нормально, пацаны. Может, вы еще и в хаты наши зайдете, а?

– Не усугубляй, Квадрат. Непонятка это, не более. Ни тебе, ни мне война не нужна.

Маленький квадрат посмотрел на меня. Потом на Ларина.

– Хоре, – решил не обострять он, – стол нам накроешь, и проехали...

– Без базара, – ответил за меня Ларин.

– А телку ту оттуда забирайте, – добавил Маленький квадрат. – Че это за дела? У наших работает, вашим сосет – не, так не годится...

...

Ирину мы оттуда забрали, перевели на нашу точку на рынке, где она реализатором работала. Потом поставили повыше. Как это обычно и бывает – мы вскоре разбежались, но хватило ума остаться друзьями. В середине нулевых она собрала все что у нее было, продала квартиру и уехала в США. Как то раз я нашел ее страницу в социальных сетях, у нее был американский муж и дети. Я написал. Она не ответила...

И, наверное, это правильно.

...

Что касается меня, то я навсегда запомнил, как в меня тыкали стволом. И больше без ствола жить не хотел. Примерно через полгода я купил первый пистолет – с рук, в Москве. Почти сразу же удалось купить и короткий Калашников – тогда только что расстреляли Белый дом, там больше тысячи автоматов ушло по рукам, было в Москве такое место на окраине, что-то вроде рынка – там их и продавали. Легально – я оформил документы, купил Ижа – помпушку и газовый пистолет. А примерно через год – мне достался шикарный, привезенный из США Моссберг армейского образца – с радиатором, как в боевиках. Я им очень гордился...

...

Маленького квадрата завалили в девяносто шестом вместе с еще двумя быками. За городом открыли огонь по машине, потом, когда они еще живы были – облили машину бензином и подожгли.

14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Металлобаза

Металлобаза – один из старых наших активов. Там раньше была база снабжения механического завода, который тогда разорился. К ней подведена аж двухпутная ветка. Мы в свое время забрали за долги базу, сделали ремонт, и поставили станки. Теперь тут мы часть сдаем под производство пластиковых окон, а часть – свой цех. Идея бизнеса проще простого – мы покупаем крупным оптом металл – оцинковка, уголок, трубы – и продаем. Но если надо – здесь же можно сделать с купленным металлом что тебе надо – прокатать в профнастил, отрезать по лекалу, погнуть, сварить. Большинство так и делает.

Металлобаза – большая, с козловыми кранами, с путями, с постоянным движением. Когда мы подъехали – было еще темно, только на горизонте – теплился рассвет. Через пару часов здесь будет уже движение – разгрузка вагонов, загрузка Камазов...

– Так, внимание сюда.

...

– Ты – куртку сними... нормально так. Езжай, найди Ковалева, замглавы – и передай на ухо, что я здесь. Пусть подъедет как сможет. Только на ухо, не по телефону. Никому не хамить, тихо спокойно, вежливо. Миша...

– Ага.

– Гони, объедь все наши ЧОПы. Пусть поднимают всех по тревоге, формируют тревожные группы. Ок?

– Понял, шеф.

– Остальные – за мной.

– Александр Иванович...

– Аюшки.

Старший смены охраны. Так и не сменился что ли?

– Ты почему не сменился?

– Так тревога...

– Ясно, говори.

– Еще одно у нас. Парень, который вчера Кристину Александровну отвозил – не вернулся. С...а.

За что же так то? Я что, нагрешил где-то в последнее время? Нет, то, что нагрешил это понятно, но в последнее время вроде не.

То, что Крыса способна переспать с охранником – это я не сомневался. Такое уже было. Мы тогда были в браке – но я тому охраннику ничего не сделал, просто выгнал. Потому что уже понимал, с кем живу. Но сейчас то – зачем, а? Мы вроде как все друг другу доказали, не?

Или не всё? Или надо вот так, хоть немного – но нагадить?

– Он отзвонил?

– Да, сказал что отвез, выезжает. И с концами, на базу он не вернулся

– Телефон его – где?

– Недоступен.

С...а.

– Ищите. Пошли пару бойцов ей на квартиру, пусть осмотрятся. Потом – по маршруту

– Есть.

...

Тут раньше была столовка для рабочих, на два этажа. На первом этаже столовку так и оставили, раньше тут пытались кафе сделать, но сейчас не девяностые, в кафе в промзону никто не поедет, потому то здесь – снова столовка. А на втором – все осталось как раньше – диваны, телеки. Там даже видеоманитофон есть...

Сейчас народ не знает что это такое. А когда-то за видак машину отдавали – верите? Вот времена то были...

Я отключил телефон и засел – думать и вспоминать. Пожар на фабрике – может быть либо продолжением старых неприятностей, либо неприятностями новыми. Потому что на фабрику у меня были большие планы. О которых знали Мозг и еще пара человек. И всё.

Я уже упоминал, что у меня связи на Сицилии? Появились они, в общем случайно – начал в Италию ездить, понравилась мне страна. Познакомился с людьми, довольно неплохо язык выучил. Особо по делам мы не контактировали, отдых он и есть отдых – но любой человек нуждается в хорошем собеседнике. Они ведь там все живут, в домах комнаты сдают, гостиницы у многих. Надо просто посмотреть дальше, чем бассейн и шведский стол...

И вот, как то раз сидели мы с доном Винченцо у него на террасе за бокалом (познакомились, когда я дом покупал близ Палермо). Говорили ни о чем и вдруг он меня спрашивает – а это правда, Алекс, что у тебя швейная фабрика есть? Я говорю – ну, да, есть. И может все что угодно шить? Ну, в пределах – отвечаю. Он пошел в дом, вернулся с несколькими вещами, спрашивает – повторить можешь? Я взял, повертел в руках, пожал плечами – да вроде особо хитрого ничего нет, вещи как вещи. Говорю – могу. Он говорит – тогда как повторишь, привози – если качество устроит – поговорим.

Я тогда о швейке совсем ничего не знал. И не представлял, как там можно особо зарабатывать – кусок есть и есть. Вернулся, отдал на фабрику через Алену, там в экспериментальном цехе пошили. Вернулся когда, отдал дону Винченцо, он забрал, сказал – другие люди должны посмотреть, сказать слово. Я снова не в теме – хорошо, отвечаю. А через три дня – дон Винченцо сам мне позвонил, предложил приехать в ресторан. Там еще люди были. И рассказали они мне такое, от чего у меня уши – в трубочку.

Италия – сильна своим ширпотребом. Она не производит особо много техники, у нее нет ни нефти ни газа ни земли в достатке. Но Италия родина сотен торговых марок, которые знают во всем мире. Вот какие русские вещи знают в мире? Водка, матрешка, Калашников. Новичок еще. А в Италии таких торговых марок – сотни и каждая свой хлеб имеет. Условно говоря – если на тряпку нашить «Дольче и Габбана» – цена тряпки возрастает минимум вдвое...

А никогда не задумывались, а откуда берется этот ширпотреб? Кто его шьет?

Так вот, для того чтобы вещь была made in Italy, не обязательно чтобы ее сшил именно итальянец. Она должна быть сделана на земле Италии. Но кем – не важно. Итальянская мафия – открыла в Италии десятки, если не сотни подпольных мастерских, где трудятся в основном женщины из Украины и Молдовы. Они шьют вещи, каждая из которых – две три их месячные, а то и годовые зарплаты стоит. Мафия продает их торговым домам, те лепят торговую марку и наценяют процентов двести.

Потом появились нелегальные китайцы, которые создали свои фабрики и начали шить еще дешевле.

Потом появился коронавирус...

Из-за коронавируса – у итальянской полиции лопнуло терпение – потому что китайцы его и завезли. Полиция начала облавы с целью выявления подпольных фабрик и их закрытия, потому что они стали рассадниками коронавируса. А шить где-то надо.

Вот и возникла идея – либо полностью шить в России, либо в России делать основные технологические операции, чтобы в Италии провести пару отделочных – и гордо сказать что это *prodotto in Italia*...

Можно конечно на Украине. Но там любые вложенные деньги с гарантией украдут. А у нас еще ништяки всякие в виде ускоренного таможенного оформления, закупки оборудования с льготным кредитом и гарантии экспортерам. Через нас идет Транссиб, там идут контейнерные поезда. Договориться, подцепил несколько контейнерных вагонов – и поехал...

Объемы назвали мне такие, что у меня глаза на лоб полезли. Сходу – утроение нашего объема. Это только поначалу. Европейский рынок огромен и сжирает любое количество вещей – надо только бренд правильный и быть на полках. И цена – по нашим меркам шоколадная, из-за падения рубля шить у нас выгодней чем в Китае, не говоря о намного более быстрой доставке.

Теперь вопрос – кто из нас что нарушает?

Я – точно нет. Я же не нашиваю на изделия чужую торговую марку. Я шью изделия без марок и отправляю их заказчику. В чем дело то? Мало ли что на что похоже...

Они? Они, скорее всего, нарушают, когда ставят марку *prodotta in Italia* на изделия, которые пошиты не там. Наказание – штраф, наверное. За бизнес, который если раскрутить будет приносить миллионы евро.

Вот так вот делается настоящий бизнес. Я только когда реально влез в эту тему, понял, насколько мелко то что мы делаем. Ну чего мы – шьем, стараемся как то подешевле, покупает это покупатель, который в лучшем случае имеет зарплату тридцать. Конкурируем с дешевым Китаем, мелочимся. Там – контейнерами уходит, понимаете? Контейнерами! Европейский рынок – это полмиллиарда человек и у них дворник зарабатывает больше чем у нас большинство директоров всех этих мелких фирмешек.

Знала Алена. Я ей рассказал, потому что ей разруливать всю махину. Неужели она?

Мозг? А ему то зачем?

А до этого что было? Это к чему?

– Черт...

Я сказал это вслух. Потом начал сам заваривать чай, просто чтобы не запсиховать окончательно.

Нельзя психовать. Именно сейчас. Акела не имеет права промахиваться...

...

Первым вернулся боец, которого я послал к Мозгу. Сказал, что все передал на ухо. Я сказал молодец.

Потом – приехал в сопровождении бойцов начальник пожарной части который был на пожаре. Он явно струхнул, хотя вопрос был не в нем.

– Садитесь – я улыбнулся через силу – чай будете?

– Не откажусь – настороженно сказал он

Я разлил чай

– Сахар берите. И рассказывайте.

...

– Сильно?

– Третья категория.

– Вас как зовут?

– Игорь Михайлович

– Игорь Михайлович, я не пожарный. Площадь большая выгорела?

– Порядочно, – от него пахло горелым, даже при том, что он был не в робе, – под тысячу квадратов.

– Что произошло? Почему сигналка не сработала?

– Да она сработала. Только производство сами понимаете... легковоспламеняющееся...

– Да вы пейте чай. Давно в пожарке работаете?

– Да уж лет пятнадцать... как с армии...

Я подумал. Потом достал бумажник, отсчитал десять пятерок, выложил веером

– За консультацию.

– Какую консультацию.

– Вашу. Мне нужно ваше мнение. За него я плачу. Я не госкомиссия, мне пофиг что в акте напишут.

Пожарный снова вытер лицо платком.

– Странно – сказал он – обычно на таких предприятиях горит склад. Либо материалов, либо готовой продукции. Потому что там много есть чему гореть. Одна искра, короткое, сигарету оставили – и готово дело. А тут, похоже, началось в цехе.

– В каком?

– Я там у вас не разбираюсь. Но вот еще – я не комиссия, мне там не до следствия было. Но похоже началось как минимум в двух местах.

– То есть, поджог?

– Да, – согласился пожарный, – скорее всего.

– Подозрительное видели что то?

– Да не до того нам было...

Я кивнул на стол.

– Забирайте деньги.

...

Через десять минут приехали с ЧОП, который занимается контролем. Привезли записи с камер.

Если вы не поняли, рассказываю – именно контролем, функции контроля и охраны разные. Охрана стоит на проходной, смотрит, чтобы чего не сперли. Контроль – занимается проверкой менеджмента на лояльность, прослушивает, присматривает, ходит в качестве «тайных покупателей» и время от времени предлагает откат.

А вы как думали? Только так и никак иначе. Откат – это вторая зарплата сейчас, если не контролировать – откаты будут всегда.

Так вот, на всех моих предприятиях были две системы видеонаблюдения. Охранная и контрольная, Охранная – на пульте охраны, помогает охранять. Контрольная – на соседних зданиях, деревьях, скрыто. Просто чтобы понимать, что происходит...

Система сработала. Там была широкоформатная камера на крыше соседнего здания, о ней не знал никто. Я примерно прикидывал, что если будут воровать – то продукцию надо будет вывозить и эта камера засечет машину. Главное чтобы записи были, потом, если не будет сходиться дебет с кредитом, просмотрим записи и пойдем.

Записи привел лично Головченко, он раньше в ОБЭПе работал, потом – на меня. Я ему, когда он устраивался, так и сказал – пофиг на государство, но вот мне – не пофиг, когда у меня из кармана тащат. Он сказал – понял, и за то время, пока мы работаем – я ни разу не пожалел что его нанял. То есть, совсем ни разу.

И хотя кто-то воротит нос – мол, мент поганый – выступать все же не смеет. Благо общее – оно и есть благо общее.

И как оказывается, если государева человека хорошо, правильно заинтересовать в результатах работы – они будут просто отличными.

– Что, Игорек – поприветствовал я его – худо дело?

Вместо ответа – он установил мини-компьютер, включил, поставил нужную запись. Вместе мы посмотрели, как поджигали фабрику...

Видно конечно было плохо, но достаточно...

С..а...

– Что скажешь? – спросил я, когда запись кончилась. – Номера пробил?

– Да, они засветились. Сейчас гаишные камеры просмотрели, нашли их.

Игорь положил на стол распечатку – письма счастья, камеры наблюдения...

– Московские...

...

- Светились где?
- Машина в угоне со вчерашнего дня, пробрили по базе утром. Они, конечно, ее уже скинули...
- А вот это ты зря, Игорек. Машину пробивал. Лучше чтобы они не знали, что мы номера их тачки засекали.
- Думаете, они могут отследить запрос по базам ГИБДД?
- Думаю. Впрочем, неважно, это. Где они проникли?
- Со стороны оврага, похоже.
- Там что, камер не было?
- Камеру они вывели из строя, видимо. Я говорил с пожарными. Сигналка сработала, приехали быстро – но там уже полыхало всюю...
То есть, поджигали чем-то, что позволило огню распространиться почти мгновенно.
- Что еще заметил?
- Вот...
- Игорь пустил на повтор.
- Видите, откуда заезжают?
- ...
- Со стороны деревяшек. Эту дорогу знают не все. Если бы люди по навигатору ехали – то заезжали бы с дороги.
- То есть, они местные?
- Похоже на то. По крайней мере, водила.
- Фотороботы можно сделать?
- Почистим, попробуем... но скорее всего облом. Ночь, далеко все-таки...
Я думал, что делать.
- Примерно установите маршрут их движения по городу и области. Пошли людей пробить все заправок, все забегаловки. Не помнит ли их кто. Может, заправлялись или покушать заезжали. Сейчас кругом камеры. Где-то они должны были засветиться...
- Игорь кивнул.
- Сделаем.
- Только не хами. Мы сейчас под колпаком.
- Понял. Что еще?
- Что еще... все это напоминает приглашение к переговорам бандитское, порядком уже подзабытое. В эту версию хорошо укладывается то что подожгли именно швейку. Для всех – это не такой ценный актив, никто же не знает, есть куда более ценные. Могли торговый центр подпалить... но там люди, и арендаторов много, у всех свои интересы. После этой истории в Кузбассе – власть воспринимает горящие торговые площади нервно. А тут – вроде и мстить не за что.
- Поджигали не изнутри завода, это понятно. Но кто?
- Послушай телефоны менеджмента завода. Кто о чем сейчас базарить будет.
- Алены Викторовны тоже?
- Я посмотрел недобро. Игорь поднял руки
- Понял.
- Никогда не смешивай работу и личную жизнь, Игорек. Я вот смешал. Хреново получилось. Иди, работай. Пока молодец.
- ...
- С...и. Твари.
- Мне как то предъявили, что я не бандит, а барыга, потому – должен платить. Не суть, кто и когда это предъявил... но, в общем, они были не так уж далеко от истины. В детстве, в

юности у меня мало что было, и я привык беречь то, что есть. Если кто-то думает, что здесь можно поджечь и это прокатит – то это заблуждение...

Девяностые... Ну, давайте, спросите. Что я, Саня Лом думаю о девяностых?

Будете смеяться, но я их ненавижу. Я в них поднялся – и я же их ненавижу.

Но больше всего, меня бесит, когда какие-то там совком ушибленные начинают мне, и не только мне – втирать в уши, как хорошо было в СССР, и как плохо стало, когда СССР не стало. Алё, граждане?! Вы о чем вообще?

Вот представьте себе. Начало восьмидесятых. В страну уже идут валом гробы с Афгана, но отморозков на улицах еще мало – они появятся в конце этой бесславной войны. Новый район – воткнули пару десятков панелек посреди жидкой грязи бывшего колхозного поля, кинули кое-как дорогу, которая на второй год пошла ямами – отчитались и забыли. Из развлекалова – только стандартная стекляшка, со стандартным набором продуктов. Ну и за счет завода – шефа – пара детских площадок из крашеной трубы, которые понятное дело, сразу оккупировала шпана. Скамеек не было, потому что скамейки все растащили по подвалам.

Батя – утром на работу, вечером с работы. В выходные нажрется и начнет воспитывать тебя ремнем и гонять мать. Были, конечно, и другие отцы, но так повезло далеко не всем.

В школку – почти километр, во вторую смену. Зимой по снегу и льду, весной и осенью по говну. По пути – подшибатели, так и норовят лишить тебя нехитрого мальчишеского добра – ручки, денег на завтрак, еще и по морде дадут или портфель в грязь вышплют. Но это если ты не принадлежишь к группировке. Тогда не тронут – как бы самим не получить.

Кружки... какие кружки, о чем вы? Туда надо ездить каждый день, вся инфраструктура только в центре города, на рабочих окраинах нет ничего. Около кинотеатра – враждебная группировка. Там нам не рады, поймают – запинают. Авторитет учителей в школе – ниже нуля, они и сами стараются побыстрее дать нам набор знаний и выпихнуть с тройком в следующий класс. Кто хочет учиться, кто не хочет – нет. Я кстати учился – не по всем предметам, но учился. Я не подтягивал отстающие предметы – тройка есть и ладно. Но кое-что у меня было на твердую пятерку, и это не физкультура.

Сидели – то по подъездам, то по подвалам. Клей тогда не нюхали, хотя достать его особой проблемой не было. Просто как то не додумывались до такого. Пили, что получится достать – портвейн, водку там если есть. Пиво, если продадут. Щупали девчонок. Дрались. Осознавали свое единство и то что если мы будем друг с другом махаться – нас растопчут. Какой досуг, вы о чем вообще? Как вы себе представляете досуг? Ну, ходим там, в парк или на речку – вот и весь досуг. Но в основном досуг – это драка. Читать никто не читал особо.

Потом уже появились качалки и уголовники, набиравшие разборные бригады из пацанов.

Знаете, когда я все понял? Когда убивали моего друга. Я еще совсем пацаном был, а он меня постарше на пару лет. Несколько человек. На стадионе пришкольном, в субботу вечером. Он уже в бригаде был, связался с углами. Что-то там накосячил. Его сначала пинали, потом топтали, потом взяли двое за руки – за ноги, поднесли к футбольным воротам. Раскачают – и об перекладину ворот. Еще раз. Еще. А я все на это смотрел. Я даже не пытался вступить – я один, там человек десять старшаков, а пацанов во дворе не было, я это знал. И я просто струсил. Это был последний раз, когда я струсил. И после этого дал себе три зарока. Что я буду всегда носить при себе нож. Что я добуду ствол. И что я всегда буду выше этой погани в партаках.

Потому – какая хорошая жизнь в СССР, о чем вы?! Истину вам говорю, чернее черного жизнь была.

Уже через несколько лет мы на практике выяснили, что блатные – никакие там не страшные, и понятия их – не такие страшные. Если человек втирает тебе про понятия, разводит тебя на пальцах – можно слушать. И тогда ты проиграешь. Можно пытаться возражать, но тогда ты тоже проиграешь, потому что играешь по чужим правилам. Они годами сидят в

своих зонах, и от нечего делать языки чешут. А можно выстрелить в голову. И тогда ты точно не проиграешь, по крайней мере, сейчас. И тебя не запинаят в мясо...

И они тоже поняли. Что мы – ломом подпоясанные. И не один, не два – а все. Одного уберешь, двоих – ничего не поможет. Остальные разберутся с тобой...

...

Так я и прикорнул на диванчике, потому что ночью не доспал, и глаза уже слипались. Проснулся от того что меня трясли за плечо.

– Что... Мозг приехал?

– Нет. Александр Иванович, Королева нашли.

– Кого? – я не врубался спросонья

– Королева, Петю. Того охранника, что Кристину Александровну отвозил.

– И что? У нее был?

– Нет...

И снова – кольнуло.

– Что?

– Ему голову отрезали.

...

Крыса жила в новом районе, в доме который мы давно еще выстроили для себя – в девяносто седьмом въехали. Тогда мы вели войну за город, потому дом построили для себя, чтобы основной актив конторы жил в одном доме, в шаговой так сказать доступности. Тогда этот дом считался верхом крути, его в городе так и называли – Бандитский. Сейчас это просто дом, так сейчас не живут и не работают, все разъехались уже. Но у меня там квартира осталась, я оставил ее Крис, когда уходил.

От того места, прикрытого разросшейся сосновой рощей – подъездная дорога ведет к основной трассе – на Москву – и по ней же можно быстро попасть в центр города. За рощей – гаражный кооператив от завода, довольно старый. Когда то мы его крышевали, там все машины держали и там же собирались. Девяностые – это совок совком еще был, тогда считалось нормальным для мужика целый день на гаражах проторчать. А что еще было делать? Вот такой вот клуб по интересам – машины сами ремонтировали, там же заготовки держали на зиму, консервацию всякую. Ну и выпивали без пригляда жены, понятное дело. Это сейчас диким кажется – на гараже весь день проторчать – а тогда только в путь.

Когда мы туда подъехали – там уже ментов было полно, целое половодье мигалок. Я пошел вперед, у оцепления показал удостоверение депутата городской Думы. Оно права прохода конечно не давало. Но меня пустили.

Зады гаражей – там свалка – перекрыты, лента висит. Накрытое тело, еще не увезли...

С той стороны – есть тайный лаз, можно выйти в овраг, а там чесать до самой ТЭЦ.

Мужик в кожаной куртке, с кем-то нервно говорящий по телефону, увидел меня, бросил – «перезвоню», прервал звонок:

– Э, э! Этого кто сюда пустил?!

...

С полицией в целом и с угрозиском в частности – отношения у меня были сложные. С одной стороны – я был частью номенклатуры, что бы это не значило. У меня была целая коллекция визиток полковников и генералов МВД, даже федерального уровня. С другой стороны – полиция и угрозыск, то есть офицеры среднего уровня, кто и выполняет всю работу – прекрасно понимали, кто я такой на самом деле, и кто мы все такие. С третьей стороны – самые умные понимали, что лучше иметь дело с мафией, чем с этническим, например, беспределом. Мы не позволяли зайти в город чужим, мы не устраивали кровавых разборок со стрельбой, мы жестоко пресекали попытки этнических группировок получить в городе хоть что-то. Если

нас вдруг не станет – зайдут чужаки и начнется кровавый передел сфер влияния. Тогда просто город в крови захлебнется. А попадет им – за то, что не сладили с преступностью.

Полковник Терещенко возглавлял городской угрозыск, и был одним из тех ментов, которые не думали о будущем – то есть, он не получал зарплату от нас сейчас, и не думал, куда пойдет, когда будет двадцать лет выслуги. Многие думают – и мы думаем, открываем вакансии, в охране, в юридической консультации. А он нет. После того, как мне стала ясна его позиция, я отдал приказ полковника не трогать. Такие тоже нужны.

Терещенко вышел со мной за линию (я уже увидел все что хотел), достал сигарету

– Ваш?

– В каком смысле?

– Паренек – ваш?

– Из моей охраны.

– Даже так.

– Потому и приехал. Что случилось?

– Это я вас должен спросить – что случилось. При нем оружие было – служебное?

– Должно быть.

– Мы не нашли. Значит, ствол ушел. У вас договор есть?

– Обижаете.

– Часы?

– Часы у меня недорогие. Машину охраняют, ноут у меня дорогой с информацией.

Дело в том, что оказание услуг по личной охране в России проблемно. Потому нашли выход – заключается договор на охрану моих, скажем часов или ноутбука, ну и по ходу пьесы в договор вписывается, что и со мной будет все в порядке.

– Что он тут делал?

– Понятия не имею. Он выходной взял.

– Да? А это как то связано с тем, что ваша супруга...

– Бывшая супруга.

– Неважно. Ваша бывшая супруга человека по голове гантелей угостила.

– Понятия не имею.

– Странно. А я слышал, вы ее воспитывали на стоянке.

Еще один. Крот что ли завелся? Или за Крысой следят?

Или Терещенко делает свою работу быстрее чем я думал.

– И что? Вы думаете, ее пятнадцать суток что ли перевоспитают?

– Да нет, конечно. Вас уже ничего не перевоспитает.

Я посмотрел Терещенко в глаза.

– А если начистоту, полковник. Между нами что, что-то личное? Что вы во мне врага то видите? Я живу, как могу. Детям помогаю.

– Ну, да.

...

– Между нами нет ничего личного. Просто вы – бандит. А я – мент.

Я посмотрел на стоящих неподалеку.

– Давай, отойдем чуть дальше. Чтобы уши не парили.

Мы отошли. Лопухи тут уже были – по колено.

– А тебе не приходит в голову, полковник Терещенко, что я бандитом быть не хочу. И никогда не хотел. Ну не было у меня такой цели в жизни – стать бандитом и гордо нести черный пиратский флаг... ну ты понял.

– Но стали. И продолжаете им быть...

– Продолжаете... дети есть, полковник? В школу ходят?

– При чем тут это?

– При том. Да ты не бойся, семьи западло трогать, мы никогда с семьями не разбирались, даже тогда. А сейчас и подавно. Так есть?

– Двое.

– В школу ходят? Ты сам в школе их был хоть раз?

– Жена занимается. Это к чему вообще всё?

– К тому. Если ты проедешься по школам, полковник Терещенко, то заметишь одну вещь – что все школы отремонтированы. Площадки спортивные везде в порядке, в новых школах уже бассейны для детей есть. В каждой школе что строит область теперь есть бассейн. Ты думаешь, почему так?

...

– По двум причинам. Первая – весь местный бизнес работает, а не растащен варягами и не сдан москвичам. Он работает и платит налоги здесь. И мы работаем и платим налоги здесь. А не в Москве. У нас даже договоренность есть – кто и в каком районе должен иметь прописку, чтобы его налоги туда поступали, чтобы все было примерно равномерно, а не так, что где густо, где пусто. И вторая причина – если денег не хватает, то местный бизнес помогает. И это опять-таки потому, что он работает. Хотя желающих его раздербанить – немало, поверь мне. И все не местные. Просто московские рейдеры знают, что с ними будет, если они сюда сунутся.

...

– Ты подумай, полковник – вот что будет, если ты меня посадишь? А? Ну, докажешь ты там мне что-то, поеду я лес валить, тебе родина орденком сунет, и дальше – что?

...

– А я тебе скажу – что. Свято место пусто не бывает. Сюда зайдут москвичи. Они давно присматриваются. Слишком лакомые куски. Любой работающий вменяемый бизнес сейчас – лакомый кусок. Что-то скупают, что-то уничтожат – вытопчут короче поляну. А что произойдет после того как скупают?

...

– У нас здесь есть немало приличных рабочих мест, с приличным функционалом и приличной зарплатой. Они все уйдут в Москву. Места работяг и кассиров конечно останутся. А вот хорошие бухгалтеры, юристы, не говоря о менеджерах – будут уже не нужны, они все будут в Москве. И денег не станет. На школы в том числе. Потому что налоги будут там, а не здесь. Но москвичам будет плевать. Им тут не жить. Это нам тут жить, полковник. Мы ездим по одним и тем же дорогам. Наши дети ходят в одни и те же школы. И на все на это нужны деньги.

Терещенко достал сигарету. Закурил.

– Так что – с кривой усмешкой сказал он – считать вас благодетелем, что ли?

– Да при чем тут это!?

...

– Вон у тебя труп, раскрывай! Тебе мало того что произошло? Фабрика сгорела, ее подожгли! Кто сделал?! Люди работы лишились! Раскрывай! Но меня не надо ненавидеть! Классового врага во мне видеть не надо! Я один из тех немногих, кто реально сможет защитить область от нашествия варягов. Не будет меня – и у детей, и у твоих, и у моих – ничего не останется, только и будет работы, что на кассе в Пятерочке сидеть! Да кредит потребительский брать, чтобы дотянуть до полочки. Понял, нет?!

Я оборвал разговор, и так и пошел по лопухам к машинам...

Зла не хватает. Хотя я держусь. Как могу. Надеюсь, он что-то понял, стойкий оловянный солдатик. Потому что если нет... то нам пипец рано или поздно. Я все-таки не вечный.

Далекое прошлое. 1993 год. Белогорск, Россия

В девяносто третьем на всю Россию громыхнуло дело Белогорского маньяка.

Белогорский маньяк действовал всегда поздним вечером или ночью, в спальнях районах города, но без какой-либо системы. Он нападал всегда со спины, бил жертву по голове туристическим топориком, потом крал сумки и очищал карманы. Никакой конкретной фиксации у него не было – самой младшей из жертв было семнадцать, самой старшей – под восемьдесят. Ни одного раза он не попытался жертву изнасиловать. Возможно, не мог. Но при этом во всех случаях кроме двух он стащил с жертвы, простите, трусы и унес с собой.

Марков, тогда старший опер, и раскрыл это дело, когда жертв было уже десять, и дело взяла на контроль Москва. Он предположил, что оперативно-следственная группа изначально движется в неверном направлении, проверяя стоящих на учете психов. Что никакого маньяка нет, а есть всего лишь серия разбойных нападений. Тогда тема маньяков была очень популярна, в девяностом арестовали Чикатило. Вот все и подумали, что маньяк. А искать надо какого-то отморозка. А украденные трусы – всего лишь попытка направить по ложному следу...

Марков оказался прав.

Он поговорил с врачами и сумел по результатам вскрытия установить, что убийца роста среднего или даже чуть ниже, то есть где-то сто семьдесят... сто шестьдесят восемь. Удар нанесли не с полной силой, из этого он заключил, что убийца еще и плохо развит физически. Марков предположил, что убийце нет и тридцати, что это молодой мужчина, а возможно даже подросток. Он и нападает со спины потому что боится, что не совладает с жертвой, возможно, он и топорик использует потому, что нанести удар ножом не сможет, не хватит сил, и он понимает, что не сможет напугать жертву своим видом, чтобы та отдала деньги и вещи без крови. То есть искать надо не в психбольницах, а в местах, где собирается молодежь. Марков проштудировал список вещей, которые пропали у жертв, выделил все необычное и сориентировал агентуру. Агентура в этой среде – в основном пойманные на горячем хулиганы и мелкие воришки, которые за прощение соглашаются стучать...

Уже через несколько дней Марков смог произвести арест.

Олег Похлистов. Семнадцать лет. Пацан пацаном, из «деревяшек», то есть зоны заводских бараков, которые не успели расселить. Неблагополучная по деньгам, но все же полная семья с матерью и отцом. Сам учится в ПТУ.

Опрос соседей не дал ничего, из чего можно было бы предположить, что Похлистов – маньяк. Обычный мальчишка, как все. Никакой особой жестокости в детстве не проявлял. Правда, денег в семье было мало, отца уволили с работы и новую он не мог найти уже несколько месяцев.

Как и предполагал Марков, причины нападений было ограбление и не более того – хлипкий пацан понимал, что он вряд ли испугает взрослого человека, даже женщину. Потому решил нападать сзади и бить топором – туристический топорик позаимствовал у отца, тот был участником туристических слетов. Первый раз он думал просто оглушить или ранить. Но после того как жертва умерла, а его не поймали, решил так и продолжать.

Трусы он решил воровать потому что посмотрел фильм про маньяков и решил сделать так, чтобы подумали про маньяка. Часть денег он потратил на свои нужды, часть отдал матери. Мать не поинтересовалась, откуда деньги. Большой куш он только один раз сорвал: реализаторша несла выручку точки на базаре.

И вот сейчас Похлистов – худенький, в куртке на рыбьем меху – стоял на тропинке, с обеих сторон перекрытой ОМОНОм и вырезанным из картона топориком показывал как нанесли удар жертве. Куда потом жертва упала, как он ее обыскивал.

Марков стоял, курил, слушал. И не верил своим ушам.

Потом, когда следственное действие закончили, Похлистов стоял у автобуса ОМОНа, Марков подошел к нему.

– Слушай, – спросил он, – а что ты в квартиры лазать не стал?

– Я не умею – ответил Похлистов.

– А вещи зачем закапывал? Мог бы продать.

– Вещи могли опознать. А деньги – они деньги и есть.

– Да тебя надо было в колыбели удавить! – заорал Марков, но ОМОНовец был начеку и встал на его пути.

...

По окончании рабочего дня – имперский сыск как всегда раздавил литру. Это считалось нормальным, иначе на такой работе было не выжить. Водка – позволяла хоть как то примириться с тем безумием, которое творилось вокруг, с начальством, которое спасало свою задницу подставляя твою, с потерпевшими, с зарплатой, на которую можно прожить хорошо если неделю – да и ту задерживать стали...

– Ну чо? По домам?

Марков сидел у стола как оглушенный.

– Отвезти вас?

– Нет... не понимаю.

Марков поднял голову, посмотрел на коллег:

– Не понимаю. Вот этот пацан... он же сопля, салабон. Как он мог убить десять человек?

– Наплюй.

– Как? Как наплевать? Ну ладно, мы с блатными еще как то справлялись. Потом появились спортсмены. Теперь каждый пацан мечтает о качалке, тачке и бригаде. Ну фиг с ним. Но когда такие сопляки еще...

– Ты чего себя без ножа режешь? Первый раз что ли? Ну получит он свою вышку.

– Не получит, – сказал кто-то, – ему восемнадцати нет.

– Да при чем тут вышка? Ты понимаешь, что он убивал из-за сраных копеек. И как обставил! А что, если таких будет десять. Двадцать?

Коллеги переглянулись. Потом один протянул руку:

– Ключи от машины давай.

– Чего?

– Того. Хватит с тебя. За руль тебе нельзя сегодня.

...

Коллеги высадили его у подъезда, он пошел в подъезд – но как только мигалки лунохода растаяли в ночи, он вышел снова. Посидел на ночной лавочке, приходя в себя. Потом поднялся и почти трезвым шагом пошел в холодную ночь.

...

Ларин же возвращался с дискотеки злой и почти трезвый. Причина тому простая – продинамила и не дала.

В этом районе за такое могли и по морде, а отморозки – могли и лицо порезать. Но Ларин был выше этого. Баба, ему отказавшая, переставала для него существовать. Раз и навсегда.

И грузиться он не грузился. Всегда будет другая...

У своего подъезда – он заметил пьяного на лавочке, прошел мимо, но пьяный вдруг цепко ухватил за штанину. Ларин взвился.

– Ах ты с...

– Тихо, тихо... не узнал?

– Чо? Ты чо вякнул?

– Марков я. Не шуми.

Пьяный отпустил штанину.

– Вам чего?

– Поговорить надо бы. Присядь

...

Ларин не знал, что сказать – но никого не было, понтоваться смысла не было – а Маркова он знал, он районным опером был, когда они пешком под стол еще ходили. Потому он сказал:

– Степан Леонидович, а вам ничего не будет, если вас на улице в таком виде поймут. А? Шли бы вы лучше домой.

– Я пьяный? Я не пьяный. Слушай меня. Я вас знаю. Всех. С детства. Видел, как вы начинали двигаться. Скажи – ты до какого предела готов идти.

– Что-то я не понял.

– Не понял, объясню. Ты город готов держать?

Ларин покачал головой:

– Вам точно хватит сегодня

– Слушай меня! В городе должны быть хозяева. Или хозяин. Воры контроль над ситуацией утратили. Корпус уже мало что решает. На улицах черт-те что творится. А должен быть порядок.

– Так и обеспечивайте его. Мы то при чем?

– При том! Что мы можем? Да ничего! Сейчас половина пацанов от двенадцати и старше мечтают стать бандитами. Это криминальное перерождение, Вова.

– Криминальное... чего?

– Перерождение. Количество превращается в качество. По телеку – бандиты, в книгах – бандиты. Кругом – бандиты.

– А мы то при чем

– Вопрос в том, кто будет контролировать город. И как. Если отморозки – мы тут кровью захлебнемся. Сегодня пацан... десять трупов навалял.

– Этот маньяк?

– Он...

Марков достал сигареты.

– Огонь есть?

Подкурился, продолжил.

– Я по этому пацану понял – все. Теперь мы можем выбирать только между плохим и очень плохим...

– Не то вы чего-то городите, дядя Степа.

– То. Слушай меня. Я тебе помогу. Буду твоих пацанов отмазывать... предупреждать... учить буду. Никто из вас не сядет.

– А мы чего?

– Ну, отстегивать будете.

– А... так бы и сказали

– Слушай! Думаешь, я из-за бабок? Ни фиги! Если я не могу предотвратить того чтобы в городе правил криминал, да? То я по крайней мере смогу выбрать, какой криминал. Понял, да? Вы ребята не гнилые. Друг за друга держитесь... это правильно... держитесь. Надо...

Ларин докурил свою, встал.

– Пойдемте, я вас домой отведу. От греха

...

Что произошло – Ларин не понял. Думал, это пьяные бредни. И думал так до тех пор, пока не попали – а Марков не отмазал. Оказалось – помнит.

Так начиналась организация...

14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Бывший дом

Крыса открыла сразу. Глаза поблескивали, но вроде адекватная.

Пока.

– Тебе чего?

– Поговорить.

Я отпихнул ее, привычно прошел на кухню. Черт...

Появилась Крис – руки в боки.

– Ты чего пришел?

– Тот парень, который тебя вчера отвозил – что потом было?

– А что, по-твоему, было? Привез и уехал.

– Точно?

– А что?

– Точно? И на чай ты его не приглашала?

– Ты охренел?

Я прошел в спальню. Все было прибрано – но что-то мне подсказало, что тут что-то было.

Я все-таки рога носец со стажем.

– Ты совсем охренел или как?!

– Когда он от тебя ушел?!

...

– Мне насрать, трахал он тебя или нет. Ты мне больше не жена. Просто ответь.

– Да что ты!?

– Этому парню голову отрезали за гаражами!

Вот теперь Крис испугалась. Поднесла руки ко рту:

– Теперь поняла? Когда уехал?

– Сразу, я тебе говорю. Ты что думаешь, я его в постель потащила?

– Думаю.

– У меня вообще-то есть кого в постель тащить.

– Это того инструктора из фитнес-центра что ли? Это из-за него ты за гантелю схватилась?

Крис как то осунулась.

– Сучка эта... поделом ей.

Я прошел на кухню, Крис пошла за мной.

– Ты хоть немного-то себя уважай, – сказал я, – инструктор фитнеса, подумать только.

Ты скоро до мальчиков по вызову дойдешь так.

– По себе не равняй, – вяло сказала она, – думаешь, я не знаю о твоей бабе.

– Она, по крайней мере, не инструкторша по фитнесу

– А чем лучше?

– Да многим.

– Тебе проще. Мужик под пятьдесят – для любой двадцатилетней ссыкухи самый смак.

Взрослый, опытный, карьеру сделал. А нам...

– Ой, ё... Он точно от тебя сразу ушел? Сюда не поднимался?

– Довел до двери. Я предлагала зайти.

– Но он отказался. Ясно. Заметила что-то? Хотя...

Крис посмотрела на меня.

– Наехали на нас, да?

– Похоже. Можешь хотя бы сейчас ничего не творить?

Крис достала из кухонного шкафчика виски и бокалы. Бутылка была на две трети пустой.
Налила и мне...

– Будешь?

– Воздержусь.

Она заглотнула свое, поморщилась...

– Не отпускает прошлое, да?

– Это не прошлое – сказал я – похоже, это будущее.

Далекое прошлое. 1994 год. Россия

Девяносто четвертый год – это первый мой год, когда я был в движении...

Из института я ушел – совмещать движение и работу не получалось. Разборки воров и спортсменов – к началу девяносто четвертого переросли во взаимное истребление. Воров просто вывозили в лес и закапывали, спортсменов отстреливали.

Афганцы окончательно превратились в бандитов – а те кто был не согласен отошли. Но в этот же год – они сломались. У их лидера – под машиной в один прекрасный день нашли два кило взрывчатки. Тогда это было еще новостью, разминировать было некому – послали в Москву за саперами, два дома эвакуировали. Еще у одного лидера афганцев – изнасиловали дочь. Каюрский оказался слабаком – он продал квартиру и сбежал. Остальные афганцы – кто перешел к спортсменам, кто – бежал, как и Каюрский...

Милиция сбивалась с ног. Редкий день в городе обходился без криминального труппа.

Ларин вел свою политику и политику хитрую. Он не высывался здесь – а заводил связи в Москве, с криминальными генералами. И – покупал оружие. Мы были мало заметны, нас не принимали в расчет, мы были не ворами и не спортсменами. Но так как воры и спортсмены каждый день друг друга уничтожали – мы становились сильнее за счет слабости других.

Тогда же – началась чеченская война, и Ларин первый понял, что надо привечать тех кто вернулся с чеченской войны, ставить их в движение. Это были в основном люди, у которых планка совсем упала – но в отличие от афганцев им было 21—22 года и они не знали, что по жизни делать...

А в Москве – начались разборки с чеченцами.

Чеченцы – пользуясь своей спайкой, наглостью, жестокостью, а так же тем что у них есть место откуда их не достать – забирали себе все больше власти в Москве. Причем они не признавали ни воровской ни спортивной идеологии, они были сами по себе, это была первая по-настоящему однородная этническая группировка на постсоветском пространстве. В конфликте они были со всеми. Воры – в девяносто втором выпустили общий прогон о том, что преступный мир остается неделимым и собирать национальные группировки запрещено. Чеченцы прогон проигнорировали и среди них на тот момент был всего один вор в законе, который их не признал и они не признали его. Дудаев неофициально пообещал его расстрелять, если этот вор приедет в Чечню.

Немного в сторону от темы – мне до сих пор не дает покоя этот прогон. Понятно, что его пролоббировали кавказские воры – их было просто больше. Но как так под ним подписались наши?

Ведь до сих пор я не знаю ни одного прецедента, чтобы русский вор в законе смотрел в Тбилиси или в Ереване или в Баку. Такого просто быть не может! А у нас в Москве... дальше надо, нет?

Я как то упомянул о нем дону Танкреди, когда гостил на Сицилии. Он не мог в это поверить, и я потом даже продолжать эту тему не стал. Это как если тот же дон Танкреди признает себе равным какого-то бандита из Косово только на основании того что они оба преступники. Для сицилийца –это даже не смешно, это затрагивает честь.

А мы в тот год совершили первый шаг за пределы области и поставили крышу торговцам автомобилями, кто торговал тольяттинской продукцией и пригонял машины. Тема это такая интересная, что можно ее осветить и подробнее.

Как гоняли тогда тачки из Тольятти.

Во-первых – никто не платил деньгами кроме лохов. Тогда вообще никто не платил деньгами кроме лохов, и никто не принимал деньги кроме лохов. Деньги обесценивались каждый день. Ценники постоянно переписывали. Свирепствовала эпидемия неплатежей. Кругом было

кидалово. Был такой анекдот – встретились два новых русских, договорились бартернуть трубы на газ и разошлись. Один пошел искать трубы, а другой – газ.

Вот представьте. В автомобиле несколько тысяч деталей. И нужна каждая из них чтобы автомобиль сделать. Если нет хоть одной – машины по факту нет, а есть груда металла, замороженные средства. А детали делают смежники – один обанкротился, на другом забастовка, а в третьем – можно купить детали только через кооператив, где сидит сын директора. Это еще одна тема была тогда – у каждого предприятия вокруг были самые разные фирмешки и кооперативы. Одна на сбыте, другая на закупе, третья на внешней торговле – и так далее. Директора и учредители – сын директора, сын исполнительного директора, сын главбуха... все поняли? На всех предприятиях были две категории. Допущенные работали в этих фирмешках и приносили домой нормальные деньги и вовремя. Все остальные получали как придется и с задержкой на несколько месяцев.

Козырем – были поставки комплектующих. Ты комплектовал завод – и за это забирал машины. У нас в области были смежники ВАЗа и в соседней немало, причем в соседней стратегические – фары и приборная панель в сборе. Понятно, что на всем на этом сидели серьезные люди и меняли на рыбу деньги. Точнее – на фары машины. Но это не всё.

В Тольятти – машинами занимались все, кто чинил, кто перепродавал, кто рэкетировал всех упомянутых. На заводе у каждой группировки были свои стоянки, в том числе тайные – где прятались машины. Но была еще тема – с машинами неукomплектованными.

Часть выпуска – сходила с конвейера в нетоварном виде, потому что не хватало комплектующих. Их отправляли на временные стоянки, потом либо доукомплектовывали, либо так продавали. Либо даже списывали – говорят, и такое было. Это тоже была тема – доукомплектовал и прибыль в два – три раза выше.

Ну а те, у кого ума не хватало, а силы было в избытке – те просто грабили и убивали приезжающих за машиной. Поехал за машиной – убили – обычное дело в те годы. Раз поехал, значит, денег много при себе.

И вот нам – надо было сыграть роль силового обеспечения при уже оговоренном обмене комплектующих на машины, о котором уже было оговорено...

...

Короче, решили действовать тремя группами.

Первая группа выдвигается первой и проводит разведку. Она едет на поезде. Дальше прибывает вторая группа и привозит стволы для первой и для себя. Третья группа – идет с Камазами и выполняет непосредственное прикрытие. Затем – все уходим на машинах... ну или как выйдет.

Да, кстати – тогда практически не было автобусов, и машины гнали своим ходом. По железке мало кто отправлять осмеливался – машина такой лакомый кусок! В момент с поезда снимут и концов не найти будет...

Я был в первой группе...

...

С собой взял только нож складной, и у меня связка ключей была такая, что может кастет получиться. Со мной был Монах, он тоже взял нож и молоток на длинной ручке. Денег при нас немного было, оделись мы скромно. У меня еще был бинокль старый. Телефонов да еще с камерами не было тогда. Тогда кстати и нормальные то телефоны были через одно место. Знаете, как звонили? Продавались карточки, на них стирается верхний слой – это как сейчас в лотерее. Там код, длинный. Набираешь код (задолбаешься набирать), потом номер и звонишь. Хоть в одной цифре ошибешься – начинай сначала. А их получается – под три десятка может быть. То есть позвонить – тот еще гемор. И кстати еще была фишка – тогда все хотели номер из шести цифр, а он стоил дороже. Казалось, что длинные номера невозможно запомнить.

Там в Тольятти вообще тогда джихад был – но и весело было. В городе перестрелки были такие, что менты какое-то время патрулировали на БТРах¹. Мочили всех – журналистов, работников ВАЗа, братки друг друга. Местная фишка была – сбрасывали с плотины живьем. Был там еще такой отморозок Агий Воронежский – так вот, его бригада людей в жертву приносила, алтарь у них какой-то был и они там людей кончали. Еще была тема – приглашали в гараж, машину посмотреть, в гараже тюк по голове молотком. И все. Потом в этом гараже не один десяток трупов в яме под бетоном нашли.

Но с другой стороны – кто работал на АвтоВАЗе, те имели право машину с дисконтом получить – получали и продавали. Воровали детали как сумасшедшие – завод огромный и все воровали не покладая рук. Что-то строилось, и воровали стройматериалы – половина гаражей и дачек вокруг города из бесплатного материала. Ну а убьют – значит, не повезло.

Кстати, еще такая тема была в ходу – вся местная братва была в сговоре с начальниками цехов и заводов, а они сдавали братве свой персонал в аренду. Было это так – приезжал купец, говорил, сколько надо машин, братки обращались к своему начальнику цеха – тот смотрел, кто из работяг у него еще машину в этот год не выгнал. Ага! Такой и такой. Вызывали, они вместе с бондиками выгоняли машины на себя, с купцом ехали в ГАИ, там работяга регистрировал сначала на себя, и тут же перерегистрировал на купца. Платили ли что-то работяге? Вряд ли. Может, запчасти в обмен позволяли своровать. А нет – начальник уволит, а за проходной братки встретят, отметелят, а то и в лес увезут.

Весело было, весело.

Короче, добрались до Тольятти, переехали по плотине. Кстати, шакалить начинали еще в поезде – шулеры карточные. И скорее всего, наводчики банд уже присматривались, кто с чем.

Но мы вели себя правильно – выглядели и говорили как лохи, не выделялись, имели при себе большие сумари, в вагон-ресторан не ходили, а обедали курочкой, которую с собой взяли, колхозно шутили и ругали Ельцина. Короче вели себя как те, у кого денег нет и кого грузить – нет смысла...

Но мы, кстати, уже по дороге просекли – плотина, по которой идет и дорога и поезд – видимо единственная дорога, и там бычки стоят. Прорываться там – смерти подобно.

Уже на вокзале своя тема: все таксисты – наводчики банд или сами шакалят. Поедешь с ними, ляпнешь лишнее – конец тебе. Так что надо как лохам, на общественный транспорт...

...

Заселились в гостиницу. Половину вещей по дороге выбросили – у нас пара сумарей была только для вида, типа колхозники едут, все свое везу с собой. Гостиница кишела проститутками – приставать стали сразу, в дверь стучать, записки и визитки подсовывать. Мы не соблазнились и ушли...

Прогулялись по городу, определили, как смогли подходы, точки прикрытия, обстрела. Со мной Монах был, он только что в армии отслужил, отдал долг родине – ушел к братве. Он в каком-то серьезном полку служил, знания у него были, и стрелять он умел...

...

Вечером покушали наскоро. В ресторане гостиницы был полный п...ц – проститутки полно, братки ищут к кому бы прицепиться.

Ночью – недалеко был настоящий фейерверк. Там ресторан был, гуляла местная братва. С гиканьем, с музыкой на всю мочь в два ночи, с выстрелами в воздух. Потом – начали гарцевать на машинах туда – сюда по дороге, я прикинул – километров сто сорок по городу – нормально?

В общем, власти в городе считай, нет – братва и есть власть.

¹ Это не совсем так. Были операции по зачистке завода с участием внутренних войск и бронетехники. Как только БТРы уходили – все вставало на круги своя.

...

На следующий день пришла машина, привезли стволы и новости – наши Камазы пошли с сильной охраной. Получив в руки Моссберг и сунув в карман пистолет – я как-то внутренне выдохнул.

Встретились с местными – нас не было, мы на подхвате. Но местные – те, кто комплектовкой занимались – предупредили о том, как надо забирать машины.

1. Проверить с ходу всю машину – некоторые специально испорчены, чтобы километр проехал и встал. Тут же налетает братва. Есть, кстати, еще такая фишка, о которой не знаешь, что и думать. Прямо на территории завода из списанных некачественных запчастей собирают левые машины и продают по дешевке. Не дай Бог такую купить.

2. Бензин обязательно с собой, хотя бы по десять литров на машину, а то и двадцать. Заплатить на проходной, чтобы пустили с канистрами. Все машины выдают – бензина на доньшке, а на всех заправках города – ждут лохов.

3. Все машины идут разукomплектованные, все что можно снять, коврики, зеркала, дворники, часы – все снято и спи... о. Это все продается на рынке (ворованное), но на рынке останавливаться нельзя – угонят тут же. Потому – заранее покупаем все, что надо по количеству машин на базаре, заносим и прямо на стоянке ставим.

4. Ни на какой стоянке, ни на платной, ни на бесплатной машину оставлять нельзя. Ни на минуту! Охрана стоянки – им тут еще жить, они будут смотреть в другую сторону даже если машину у них перед носом вскрывать будут. ГАИшники – тоже.

5. Если из ворот завода выехал – всё! Обратного уже не пустят. И охране пофиг, если даже тебя перед воротами убивать будут. Многие на подсосе у местных группировок, наводят на лохов за долю малую.

6. Ни с кем из местных ни о чем не говорить, не делиться никакими своими планами, не говорить где вы поедете, когда, сколько машин, какие деньги. Любой может быть наводчиком банды. По возможности не пользоваться услугами проституток, которых тут полно – тоже чревато. Опять или выведывают что-то.

7. Ну и напоследок. Каждую машину проверять, и если у нее небольшой пробег, больше чем надо чтобы от цеха на стоянку доехать или есть подозрение, что на машине ездили – такую не брать. Это местные бандюки повадились – каждую неделю со стоянки берут новую машину и гоняют на ней в хвост и в гриву. Погоняли неделю и вернули – а машина наполовину убитая уже, они на необкатанных двигателях гарцуют, до звона моторы выкручивают.

Вот такие вот пироги с котятками...

...

День X.

Пришли Камазы, встали за городом на стоянку под охраной. Наши купцы пошли договариваться. Мы пока не объявлялись – но перезвонились и выяснили обстановку.

Оказывается на Камазы уже наехать успели. Тупо подъехали – водиле – выйди, поговорить надо, да. Наших не заметили, их с другой стороны блокировали машинами и – под стволы. Те охренели. Бить не били, местных незачем злить. Просто заставили извиниться и отпустили. Но надо понимать, что машины сразу переставлять – раз, и если про нас уже слух – то у нас есть эта ночь и видимо, всё. И хорошо если эта еще – есть.

В заводоуправлении тянули. Наши психовали. Было такое ощущение, что из заводоуправления сообщили, кому надо и сейчас тянут время – чтобы бондики успели отбить груз. Народ психовал, мы психовали.

В конце концов, в четвертом часу вопрос поставили ребром – или запускаете машины на территорию, или мы сейчас сдаем запчасти первому крупному оптовику на рынке и договаривайтесь потом между собой.

Это сработало, выписали пропуск. Уже потемну – Камазы зашли на территорию завода – и тут же у проходной припарковалась серая девяносто девятая с толстолобиками.

...

На следующий день – пошли выбирать машины. Двадцать вазов – не шутка выбрать. Весь день убили, чтобы выбрать, оформить документы, номера получить транзитные...

На ночь оставили на территории – но сами ночевали в машинах. Так нельзя, но если на лапу дать – то можно. А мы с Монахом – ночевали в тачке недалеко от проходной, как необъявленные...

Нервы, нервы, нервы...

Вот представьте – ночуешь в машине, неудобно – смерть. Это тебе не Крузер, это наш таз с болтами. В два часа ночи стук в окно. Ты подкидываешься... тьма, только вдали – свет заводской площадки, а тут тьма... все тело болит, голова как у вала – кто? А это две путаны...

– Мальчики... вам компания не нужна?

– Пошла на...

– Ну что так невежливо...

– Вали, сказано!

Она свалила – а ты сидишь и думаешь, что да как. Может, это просто путана – а может, разведчицу подослали, посмотреть, что за тачила левая стоит. И сейчас толстолобики появятся, а там другой базар пойдет.

А может просто путана. И она никому не скажет – а что может сказать, что она, всех братков города знает что ли?

Машину переставил, уже не заснуть, потому что все тело болит – так и кочумаешь до рассвета. А еще – кофе не выпить. Это сейчас есть кофе уже готовый в банках – а тогда не было. И энергетиков тогда не было, совсем. Это сейчас – выпил пару банок и сидишь, для здоровья конечно нехорошо, но... А тогда был только растворимый кофе в банках, даже пакетики «три в одном» позже появились. И как кофе сварить в машине? А все ночные заведения братвой оккупированы, зайдешь, слово за слово – и...

Вот так вот и зарабатывали. Деньги, репутацию, авторитет. Прогнал машины, понял что за чем – дальше с тобой уже по-другому разговаривают. Ну а нет... на нет и суда нет. Тогда время очень конкретное было, бла-бла-бла никого не устраивало.

...

Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля,

Просыпается с рассветом

Вся Советская земля.

Холодок бежит за ворот,

Шум на улицах сильней.

С добрым утром, милый город, —

Сердце Родины моей...

...

В окне – неверный брезжит свет, это самое любимое мое время, когда уже светло, но солнце еще за горизонтом. По радио гонят наш гимн, он тогда другой был и без слов, под рукой верный Моссберг, в уме – Голуби летят над нашей зоной, подлинный наш тогда гимн...

Б...

Голуби летят над нашей зоной —

Голубям нигде преграды нет.

Ах, как мне хотелось с голубями

На родную землю улететь.

Но забор высокий не пускает,

*Там колючка в несколько рядов.
Часовые с вышек наблюдают
И собаки рвутся с поводков.
Вот уже и вечер догорает,
Солнце тлеет, словно уголек.
И на нарах песню напевает
Молодой красивый паренек...*

...

Все мы ходим – то ли под сроком, то ли под Богом. Но в нашей жизни – все зависит от нас и только от нас. И это хорошо...

...

– Третья...
– Номера...
– Бэ двадцать два... семь... не вижу дальше.
– Охренеть

Я пометил в блокноте. Местные бандосы, прогудев всю ночь, собирались к проходной как на работу...

– Чо, готов?
– Как тот пионер.
– Ладно тебе, про пионера. Ты, кстати, был?
– А как же. И даже вожатую трахнул
– Маладэц!
– А вы?

Уже и на вы.

– Был. А из комсы вышел, не успев толком вступить. Знаешь, зачем? Ельцина из Политбюро тогда поперли, я и вышел. Вот такой мудак был.

– А почему мудак то?

А правда.

Я вдруг задумался – а мы и в самом деле такого хотели?

Да нет конечно, не хотели. Чего хотели? Ну, чтобы побольше всего было, в магазинах. Только и всего. А для начала – чтобы кто-то честно сказал – мы в ж..., товарищи. Потому что когда в магазинах все меньше и меньше, а речей все больше и больше, то это раздражает.

Но в итоге мы получили – вот это. И вряд ли стоит говорить, что виноваты Ельцин или Гайдар. Мы сами виноваты.

– Сами...
– Что?
– Ничего. Время...
– Без семи.

...

Когда открылась проходная – толстолобики насторожились. Но машины не вышли.

Ждем-с...

Час.

Два

Три...

Толстолобики начали нервничать, звонить, а кто-то и уехал.

И лишь когда настало время обеда, а толстолобики устали ждать – начали выходить машины...

Одна... вторая...

Толстолобики ожили, зашевелились. Но их было мало, и когда они попытались стартовать – ничего не вышло. Потому что Монах им пробил покрышки из ТОЗ-8.

Сидите и дальше, граждане...

...

Как тогда гоняли машины по городу – это отдельная тема.

За каждым караваном машин – как волки – машины братвы. Отстанешь, встанешь – хана. Охотились даже за одиночными тачилами. Чего говорить о караване? Потому – правила нарушались постоянно. Самый примитивный прием – старт, когда красный только загорится, проскочить перекресток и уйти...

У кого-то еще были приемы – заранее договаривались с сервисами, время назначали – загнать машину и двери захлопнуть...

Тормозят – остановись, друг, поговорить надо. Ствол в окно показываешь и дальше. Иногда действует, иногда нет.

...

Тормознули нас уже на границе области. И то не нас, а только половину машин – первая половина уже ушла. Это тогда, кстати, олений бизнес назывался. Охота на оленей.

Чтобы нас тормознуть – пришлось использовать ГАИ. Они тоже подрабатывали на банды. Кто стрелял они так и не поняли – мы шли тихо как лохи и сейчас припарковались.

ТОЗ, Моссберг. Если что.

У меня на Моссберге лазерный прицел был – круть тогда. Это после Терминатора такая мода пошла.

Тормозили тогда внаглую. Вот тупо – вгнаглую. Мент палочкой махнул – и в сторону. Тут же подскакивает братва. Менты тогда шестерили на братву не за деньги, а из страха в основном, зашуганные все были.

Подскочили, рванули дверцы

– Вылазьте, б...!

А не тут то было. Дверцы заблокированы, а в окнах – виднеются стволы.

– Ты чо нас, газюками попугать решил? Щас сождем!

Старший неспешно приотпустил окно

– Не успеешь. Это чо у тебя?

Бандит посмотрел на свою дешевую турецкую куртку, заметил красную точку лазера...

– Будешь буром переть, тут же и ляжешь.

...

– Ты кто такой, под кем ходишь?

– Салимовские мы.

– Вот и хорошо. Звони старшим своим – забьемся, перетрем. А канистру на землю поставь, чо ты ей трясешь...

...

Короче машины мы прогнали, а дальше стали договариваться. Тогда многое на устных договоренностях держалось, да и вообще.

Если ты представляешь серьезную силу и подкрепил это делами – с тобой будут дружить. Ты внаглую прогнал караван девяток, отказался штраф платить и у тебя есть снайперы? Ты крут, брат, вот моя визитка, давай вместе двигаться. Против силы в лом никто не пойдет. В чем суть – в городе несколько группировок, силы примерно равны. Но есть внешние силы. Если ты дружишь со мной и через меня гоняешь машины – значит ты прямо заинтересован в моем благополучии. Если кто-то замочит меня – тебя отожмут от завода и придется все сначала начинать. Потому ты кровно во мне заинтересован, и если что бригаду на помощь пришьешь, а то и не одну.

Или снайпера одолжишь. Вопросы порешать.

Вот так вот дела то и делались. Все было на взаимном интересе.

Так мы наработали авторитет и встали на тему. И доили ее несколько лет, а потом прикрыли, когда стало понятно, что больше так нельзя и надо автосалоны открывать и вообще, нормально двигаться. В соответствии с законом.

...

В нулевом – сгорело здание самарского областного УВД, погибли менты, здание дотла выгорело. В тот день – по всем местным шалманам рекой лилось шампанское. Братва праздновала. Это была лебединая песня девяностых – все вскоре стало совсем иначе...

...

Тольятти – был таким примерно до четвертого или пятого года. Он был вещью в себе. Свое и для своих.

Потом – на актив обратили внимание и в автомобильную отрасль пришли федеральные деньги. Постепенно – всех местных отжали от потоков, поставили московскую охрану. Все решения теперь принимались за пределами Тольятти, особенно по деньгам.

Потом – начали пересматривать комплектацию новых машин и переходить на мировых поставщиков, с которыми меньше проблем. Город стал умирать.

На момент написания этих строк – город является крупнейшим в России моногородом, территорией социального бедствия со стремительно сокращающимся населением. Число рабочих мест в автомобильной промышленности и комплектующих – упало в десять раз...

...

Вечер 14 мая 2021 года. Белогорск, Россия. Область

Пересечься с Мозгом удалось только вечером. Пришлось ради этого ехать на рыбалку. Там у нас хозяйство было, я как то до рыбалки не очень, а Мозг любил.

Единственно, что хорошо в рыбалке – посреди реки или озера подслушать кого-то затруднительно.

Мозг рыбачил с лодки, у него была двенадцатиметровая лодка, но отечественного производства, потому что госчиновнику импортную иметь нехорошо. Мне пришлось арендовать катер, потому что у меня своей не было.

– Ну, чо скажешь? – оптимистично спросил я, пересаживаясь на лодку – клюет?

– Клюет...

– Жареный петух?

– Горелый

– Ясно...

Лодка немного пошатнулась. Оставив меня, моя моторка отошла, на ней было три человека, все с оружием.

– У тебя застраховано всё?

– Застраховано. Но... время, сам понимаешь.

Пока оформим страховку. Пока ее выплатят. Пока проведется ремонт. Пока станки – оплатить, заказать, привезти.

Никто из конкурентов ждать не будет.

Я коротко рассказал, что удалось узнать.

– Наезд, как думаешь? – спросил Мозг

– Он самый. Только кто?

– А ты не догоняешь?

– Нет. Не догоняю. Неужели москвичам такое надо? А? На ровном месте...

– Они и не такое могут.

– И все равно – не догоняю.

Все-таки поверить не могу. Не делается так. Делается – тупо приходит одна проверка, потом другая, потом третья – и так гнобят, гнобят, гнобят. Или вдруг звонит тебе банк, и говорит, что с сегодняшнего дня на тебя закрыты лимиты. Почему? А по кочану! Изволь кредиты погасить в пятидневный срок, и пофиг как – как хочешь.

Или уж совсем внаглую – тупо вносят ложные данные в ЕГРЮЛ и чистят счета. А тебя не пускают в твой кабинет под прикрытием новой охраны. Потом жалуйся в суд...

Вот в это я бы поверил. Но жечь...

А голову кто отрезал? Это одна цепочка – или разные?

– Губеру я в уши залил, он вызвал Дементьева и дал ему нагоняй. Так что искать будут жестко, по крайней мере, на первых порах. Вопрос, что сожгут дальше?

– Думаю, не рискнут

– Думаешь?

– Они считывают нашу реакцию, думаю. Мне кажется, это своего рода провокация. Они сделали ход и смотрят, что будем делать мы. Смотрят, кого мы привлечем, на что готовы будем пойти.

– Прощупывание почвы?

– Именно. Разведка боем.

– То есть, ты считаешь, что отвечать мы не должны

– Именно.

Я помолчал.

– Это больно. Ты же знаешь правила, если мы не отвечаем, значит, и всем другим – можно.

– Ты меня услышал.

Я подумал.

– Но в рамках закона – кто нам запретит отвечать?

...

– Есть поджог. Пусть возбуждаются, ведут следствие...

Мозг ничего не ответил.

– Так мы можем их переиграть.

– Как?

– Люди, имеющие государственный механизм, но личную мотивацию – обычно бывают крайне эффективны.

– Так они поймут, кто у нас на подсосе.

– Понять и доказать вещи разные.

– Саня!

...

– Ты так не врубаешься? Это крутые московские мэны. У них проход и проезд всюду.

– Игорёк... не утрируй.

Я вдруг впервые понял, насколько далеки мы стали с Игоряном. Насколько он от нас стал далек.

Все-таки система власти уродует людей. Не в том смысле, что человек взятки начинает брать, хотя и так часто бывает. А в том, что становясь частью системы, он принимает ее перевернутые с ног на голову правила игры. Принимает законы системы и интересы системы как свои собственные. Логике системы он делает своей логикой.

Вот это утверждение – у москвичей проход всюду – оно на чем основано? Да ни на чем.

Вообще, любой регион России при тех инструментах контроля, какие у нас есть – можно за год превратить в социальную горячую точку. Провести в гордому, в облсовет людей с демократическим прошлым, начать митинги собирать, проплатить пару газет, которые будут лить грязь на федеральный центр. И через год – тут война и немцы будут. Секрет любой успешной кампании, как мне объяснила одна не лишённая привлекательности дама – не выдумывать новое, а опираться на то, что есть, просто придумывать интерпретации. Мало в России есть столь же распространенных и укоренившихся в народе чувств, как чувство ненависти к Москве. Надо только дать ей ход – и потом туши свет, сливай воду...

Что будет потом? Потом соберутся и начнут думать, как мы упустили Белогорск и что теперь делать. Начнут кого-то сажать, кому-то деньги давать – но про продолжение наезда не может быть и речи уже. И – другие наезжанты десять раз подумают, прежде чем соваться в стремный регион.

Почему никто не лезет в Чечню с грязными руками? Потому что убьют. По-настоящему, без шуток убьют. Чужие там не ходят.

А мы чем хуже.

Одно из заблуждений – это то, что нынешняя система власти монолитна. Это не так. Это что-то вроде чиновного феодализма. Есть кланы. У каждого клана есть папа – основатель клана, которому в свое время повезло, или кто отпочковался от другого клана. У него есть свои вассалы – он идет наверх и сам их тащит, а вассалы – ему помогают идти наверх и заносят долю. Есть какие-то палаты для урегулирования споров «по понятиям» и нормы отстежки наверх. Но! Если на нас наезжают и требуют поделиться – надо помнить, что это не государство, это – клан. Может и сильный – но всего лишь клан. Если он проиграет – за него никто мстить не будет. Разорвут оставшихся, поделят майно и дальше.

Проблема в том, что Игорян этого уже не видит. Он в системе, он в этой во всей круговерти – трансферты, отчеты, подарки, для него москвичи – как боги, они же деньги дают!

– Беспредел никто творить не будет. Но это не значит, что мы должны тупо стоять и утираться, когда нам в лицо харкают. Ты как хочешь – а я – так.

– Как знаешь.

...

Ну, что, друзья мои – рассказать вам про мафию, пока едем? Не то что показывают по телеку – а то что есть на самом деле? Все конечно не расскажу, длинный язык там не одобряется – но кое-что расскажу.

Для начала – с чего началась мафия. Я эту историю слышал в разных местах и от разных людей и доверять ей думаю можно.

Были три рыцаря, звали их Оссо, Матроссо и Карканьоссо. И была у них сестра, которая приглянулась какому-то герцогу, а братьев герцог упрятал в тюрьму, чтобы не мешали. Тюрьма эта была в крепости Санта-Катарина, на острове Фавиньяна близ Сицилии.

Братья сидели в тюрьме двадцать девять лет, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней и за это время они придумали структуру и устав секретной организации, которая должна будет карать нечестивых и защищать справедливость с ножом в руке. Потом им удалось бежать, они явились во дворец герцога и зарезали его. После чего им пришлось бежать. Оссо прибыл на Сицилию и основал Коза Ностру, Матроссо основал Ндрангету в Калабрии, а Карканьоссо стал основателем Каморры в Неаполе. Так с тех пор все и идет.

Обратите внимание – речь идет об испанских рыцарях, и говорят, что все это происходило в Толедо. Мало кто помнит, что до середины 19 века никакой Италии не было. Север был сообществом городов, а юг – входил в состав Испанской Империи и находился под властью испанского короля. Когда явился Гарибальди со своими гарибальдийцами, на юге мало кто был от него в восторге. Особенно испанские дворяне и наемники. Они то видимо и начали криминальную войну против республики, которая длится и по сей день. А люди их поддержали. Именно поэтому – несмотря на все усилия на юге по-прежнему процветает мафия. Это потому что есть немало людей, для которых мафиози – защитники против чужой и враждебной, навязанной сверху власти, которой люди никогда не хотели и не признавали.

Теперь в чем разница между всеми тремя группировками.

Мафия (сами себя они называют «Коза ностра», наше дело) – в общем то самая известная из всех группировка, она зародилась на Сицилии, но постепенно распространилась во многих странах мира, мафия есть в США, хотя между той и настоящей сицилийской мафией общего уже мало. Суть мафии – это союз мужчин, изначально в мафию вступали против всяких угнетателей, феодалов, сборщиков налогов и в целом для того чтобы найти правосудие, потому что в государственных судах его не найти. Первоначально, видимо, мафиозные группировки состояли из безработных моряков, капо – это в переводе капитан. В мафии состоят только мужчины, женщины должны воспитывать детей и молчать. У капо есть лейтенанты и советники – консиглиере, у каждого лейтенанта есть бригады. Простой мафиози – это тоже не солдат, у него есть подручные, в мафию не входящие, как наши стремящиеся. В мафию можно попасть и на воле, главное продемонстрировать волю и храбрость, а так же готовность молчать и выполнять приказы.

В мафии есть еще чаперони. Это уважаемый, отошедший от дел мафиози, который за уважение и иногда какие-то деньги – готовит молодежь к вступлению в мафию, разъясняет, что можно и что нельзя.

Мафия уже давно не занимается классической преступностью, она торгует влиянием. Например, если проявить уважение и закупать продукты для своего кафе у мафиози, у которого дороже – то тебе можно будет выставлять столики на тротуар, а если покупать в другом месте – тем нельзя. Многие мафиози либо владеют землей и выращивают экологически чистые

продукты, либо скупают их у фермеров – потому что у них оформлены документы и они продают их с сертификатом в три раза дороже. Они же организуют труд гастарбайтеров на полях у фермеров... все эти экологически чистые продукты, они по сути выращены вручную рабским трудом. Но те в Германии или Франции или США, кто помешан на экологии и переплачивает втридорога за фермерский салат – они об этом не думают и думать не хотят. Они настолько ушиблены экологией, что готовы смириться и с рабским трудом каких-нибудь молдаван...

А наркотиками торгуют и бандитствуют такие как албанцы к примеру. Они на Сицилии тоже есть и находятся в подчинении мафии.

Ндрангета – это принципиально другая криминальная система, самая страшная из всех мною виденных, а видел я немало. Даже Коза Ностра опасается с ними связываться, и тому есть причина.

Если в Коза Ностре состоят только мужчины – то в ндрангете люди состоят целыми семьями. Основа Ндрангеты – это ндрина, семья, и в нее входит сам ндрангетист, его жена и дети. Ндрангетист совершает преступления, его жена рождает детей и учит их быть бандитами и убийцами. Если в Коза Ностре у человека есть выбор – то в Ндрангете если ты родился в такой семье, то выбора у тебя, по сути, нет. Уничтожить эту систему так же невозможно: посадишь отца, дети вырастут и обязательно будут бандитами, потому что этому их научит мать. У них есть свои храмы и в них свои иконы – например, Мадонна с ножом как символ матери ндрангетиста. Именно матери в свое время давали детям нож и отправляли на преступление.

Если в Коза Ностре с полицией сотрудничать нельзя – то в Ндрангете можно и даже нужно. Современная Ндрангета раньше других стала проникать в полицию и систему власти. У них в семьях не просто железная дисциплина, они следят за тем, чтобы талантливые дети учились и шли во власть. Члены Ндрангеты приносят дневники своих детей на проверку сантосам и кримине. Сантос – это у них крестный отец (дословно святой) а кримине – бригадир, старший в нескольких ндринах. Кримине может одновременно быть полицейским, прокурором, мэром, финансовым гвардейцем, депутатом. При этом, если в мафии каждый занимается своим делом, в ней может состоять к примеру врач, тайно лечащий мафиози, но сам в руки оружие не берущий – то в Ндрангете каждый человек бандит.

Каморра отличается и от мафии и от ндрангеты. Она базируется в городе Неаполь, исторически крупнейшем порту Италии. Она единственная принимает не итальянцев, она связана с китайскими триадами и с американцами – там недалеко есть военная база, потому каморристы называют пистолет Беретта-92 пистолетом М9 – как в американской армии, они им все и вооружены. Исторически каморра занимается контрабандой и рэкетом. Каморра сама себя называет системой, всего их несколько и они часто враждуют. Каморристы самые отмороженные из всех, в их отрядах полно детей по четырнадцать – пятнадцать лет даже младше. К совершеннолетию многие успевают совершить не одно убийство и жениться. Жениться на каморристе для девушки выгодно – если его посадят или убьют во время фэйды (войны) группировка будет содержать ее. В отличие от Палермо или Катаньи – в Неаполе нет никакого порядка, грабят и убивают прямо на улицах. Карабинеры устраивают целые войсковые операции для ареста каморриста – люди строят баррикады, поджигают шины, льют кипяток и горящий бензин. Убивают каморристы, не задумываясь – если в мафии полно стариков, то в Неаполе дожить до сорока – уже подвиг...

На обратном пути – в лодке мне шепнули на ухо – мол, Александр Иванович, просекли, хвост за нами...

Несколькими днями ранее. 08 мая 2021 года. Москва, Россия

Прикинуть по Ломову и по Белогорью – замглавы администрации Леонидов поручил своему верному силовику, генералу в отставке, а ныне руководителю нескольких ЧОПов Юрию Борисовичу Семидворову. Он был верен Леонидову по одной простой причине – за ними были одни и те же провалы, и если придется отвечать – то им обоим, и никак иначе.

Генерал Семидворов начинал работать в ФСБ в нелегкие времена – тогда еще и ФСБ то не было, а назначенный демократами начальник спецслужбы после увольнения выбросил свое удостоверение в мусорку у входа на глазах остающихся служить подчиненных.

Как и все он хапнул Чечни, но остался жив. Как не все. Но потом – он попал в ту часть ФСБ, которая занимается политическим сыском и выполняет политические заказы Кремля. А это такое место, откуда нельзя выбраться с запахом роз...

Раньше – все КГБ было боевым отрядом партии. Потом партии не стало, а КГБ осталось и перешло целыми управлениями на службу олигархам. Вот этого кстати демократы первой волны предвидеть не могли – что например, генерал Бобков Филипп Денисович вместе со всем управлением пойдет на работу к олигарху Гусинскому. А другие, как Литвиненко – пойдут в Атолл к Березовскому. Спецслужба – как и ЧОП – это инструмент. Любая система нуждается в инструментах. В том числе и таких. И глупо было бы ожидать, что Савлы станут Павлами и будут как во Франции спонсировать философов и испытывать чувство вины перед обществом. Ага, как же...

В девяностые годы – быта такая: структура в ФСБ – управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций. По факту – оно стаю локомотивом коррупции в ФСБ, потому- что именно через него – ФСБ стаю активно контактировать с олигархами и преступным миром. А когда люди у которых денежное довольствие хорошо если тысячу долларов – контактируют с теми у кого денег за миллиард и тоже долларов – ничего хорошего из этого не выходит.

В нулевые как директор ФСБ пришел к власти – систему почистили и убрали тех, кто открыто работает на олигархов. Почикали тогда многих. Оставили – тех кто готов работать на власть. В их числе был и Семидворов, которого за четыре года трижды повысили в звании.

Сначала он занимался Кавказом, был прикомандирован к аппарату инспектора по северокавказскому федеральному округу. А инспектором стал Леонидов, и про него на Кавказе ходили слухи – мол, его как-то раз себе на беду пригласили на день рождения к уважаемому человеку и рассказали про такой красивый кавказский обычай – если гость сильно хвалит что-то в доме хозяина, то обычай гласит что хозяин должен подарить это гостю. И с тех пор Леонидов повадился ходить по гостям и там ему нравилось все на что глаз положит – где машина понравится, где дом. А Семидворов занимался его безопасностью.

Потом Леонидова с повышением перевели в Москву и наградили даже боевым орденом. Он забрал Семидворова с собой. Потом они занимались Олимпиадой. А потом их бросили – на беду и себе, и России – на Русскую Весну, на Донбасс.

И там они просрали и изгадили все, что только можно. Потому что уже давно не знали как работать. Они могли только отчитываться и брать бабки со всех и со всего. Столкнувшись с теми, кто не все меряет в бабках, пусть немногочисленными и непрофессиональными – они проиграли.

Путин – человек, который не спешит в принятии кадровых решений, ему не свойственно, как Ельцину, быстро расставаться с человеком. Однако, спустя три года – он понял, что Леонидов, как куратор проекта – завел страну в кровавую трясиину. И кто-то должен за это отве-

тить. Леонидов – либо сам мог принять на себя вину, потому что он и был виноват – но он предпочел подставить своего подчиненного. Ибо он не был самураем, а был всего лишь высокопоставленным чиновником, для которого слово «совесть» – понятие устаревшее...

В Системе было всего несколько правил, но невыполнение любого из них делало человека, как минимум, изгоем навсегда. Одно из них звучало так: начальник твой – Бог твой. Твои успехи это его успехи, твои провалы это твои проблемы. Если начальника взяли за одно место и он решил сдать тебя – то ты должен склонить выю, принять все в чем тебя обвиняют, отдать все что от тебя требуют и принять любое наказание, не сдавая никого и тем более не сваливая на собственного начальника. Если ты так сделаешь – тебя заметят, если смогут – спасут или потом устроят, и в любом случае у тебя будет репутация верного человека. А быть верным в Системе намного важнее чем быть умным, способным или сильным. Сильных система даже боялась – потому что сильный человек никому и ничем не обязан, может ходить как хочет, делать что хочет, на него нет никакой управы и никто не гарантирует соблюдение им законом Системы. Законы Системы – были созданы для того чтобы создать коллективную власть слабых, чтобы выжить, сдержать гнев бесноватого Вождя. И их тотальное выполнение было сначала залогом чисто физического выживания, потом жизни, потом – хорошей жизни. Аппарат – в конце концов победил...

Но больше чем сильных – Система ненавидела честных. Честный человек, человек, которого не за что наказать, не на чем подловить в прошлом – был для Системы безусловной угрозой, и Система не успокаивалась, пока такого человека не получалось купить, сломить или даже убить. Даже один честный человек – мог создать процесс, ведущий к краху Системы.

Генерал Семидворов правила знал и потому все взял на себя. Все – ложь, безумие, взятки, воровство, предательство, убийства тех кто был за Россию не за деньги и возвышение тех, кто был очень даже за деньги. Ведь – парадокс – с той стороны была точно такая же система, которая пила кровь украинского народа под ритуальные патриотические камлания.

Генерал Семидворов, после ухода в отставку, понятно дело, без работы не остался. На него зарегистрировали несколько юрлиц, выдали лицензию на охрану, на торговлю оружием... короче говоря, на поддержание штанов. Как и у всех – у Семидворова остались свои люди в органах, да и не только в органах – и они помогали, чем могли и снабжали шефа информацией – а шеф делился влиянием и разруливал косяки, которые в любой работе неизбежно есть...

...

Первым делом Семидворов собрал о новом фигуранте на которого его ориентировал шеф. Зачем ориентировал – это и ежу понятно. Чтобы подняться наверх, надо занести, а чтобы иметь что заносить – надо быть наверху. Замкнутый круг. Чтобы из него вырваться, один из вариантов – раскулачить кого-нибудь. Но не в Москве, потому что в Москве все прекрасно знают, кто в фаворе, а кто впал в немилость, и если впавший в немилость неправильно себя поведет – его разорвут. И не просто чтобы майно свое сохранить – а чтобы сделать приятное начальству. Чтобы завершить процесс наказания.

А вот в провинции могут и не знать, что такого то пинками отогнали от самой главной в стране кормушки...

Вот только то что он узнал о Ломове и о Белогорье – настолько ему не понравилось, что он кое-что перепроверил, а когда подтвердилось – начал названивать тем, кто еще бы взял трубку на его звонок. Потому что если шеф в немилости – то в немилости и его присные...

...

В российских спецслужбах есть устойчивая группа – ростовские. Непонятно, почему так получилось – ростовские были и в жандармерии еще столетней давности. Они держались вместе, помогали друг другу и за счет своей спайки пробирались наверх. Каждый – тянул за собой товарищей.

Было у них и много связей и много компромата. Дело в том, что Ростов был как бы неофициальными южными воротами страны по пути на воюющий Кавказ. Все ехали на Кавказ через него и возвращались с Кавказа через него. Ростовские встречали, накрывали стол. И внимательно слушали, что говорят. Потому что лишнее говорили многие...

Одним из ростовских был Карнач, бывший капитан, а теперь полковник полиции в стратегической службе – по борьбе с наркомафией. Боролся Карнач и его товарищи с наркомафией долго и безуспешно, мафия как была так и есть – но красовались на груди теперь уже полковника Карнача многочисленные ведомственные награды, перемежавшиеся боевыми за Чечню, а супруга, с которой они давно развелись – тихо достраивала отель в Словении...

Потому что кто что охраняет – тот того и имеет.

Карнач был Семидворову обязан еще по Чечне – и наверное помнил, как они, сидя на полу в кабинете во временном РОВД думали, вырежут их сегодня или еще получится пожить. Потом Семидворов пару раз придержал информацию, неблагоприятную для коллеги из МВД. Так что на звонок он ответил.

...

Встретились в Подмосковье, недалеко от ведомственного пансионата МВД. Карнач был на огромном джипе, но не Крузере. Приглядевшись, Семидворов опознал китайщину...

– Что, машину сменил? – спросил он Карнача, пожимая руку

Карнач оглянулся, сплюнул.

– А это... не, это у нас очередной зае...

...

– Смотрят, у кого какие машины, выпустили список – какие нельзя. Е... ть их! Крузер нельзя, вот пришлось китайчину купить. Это тот же Крузак, только кузов немного отличается. Ну и качество... а что делать?

– А Крузак куда дел? Продал?

– Сыну подарил. Теперь жалею.

– Почему?

Карнач зло выругался

– Понтов много, вот почему! Мы в их годы такими не были, у меня в его годы были кроссовки латанные, я всю зиму в осенних ходил! А сейчас... с детства с золотой ложки кормили, вот они и оборзели. Рэп поет!

– Рэп... – засмеялся Семидворов

– Рэп! Ну, ладно телки там, вписки. Он молодой, ему надо. Так он записал песню матерную про полицию и в сеть выложил!

– Ого...

– Я ему говорю, ты где кормишься, паразит?! Ты ни дня в полиции не проработал, какое у тебя право нас судить, а? Какое у тебя право меня судить, гаденыш, ты с мое проживи! Ты в девяностые попробовал бы пожить на одну зарплату, потом бы и писал свои песни гадские! А он лупает на меня глазами оловянными и молчит.

...

– Детей мы теряем – Карначу надо было выговориться.

– Это да.

– Твой то как?

– Учится.

– Не бросил?

– Нет.

– Молодец.

Карнач явно был на взводе

– А мой учится... так, пришел-ушел. Поганец. Говорю, если тебя на митинге возьмут, я за тебя впрягаться не буду. Позориться перед начальством не буду – мало этой песни матерной, хорошо хоть под кличкой выложил, у них там клички как у собак. Молчит.

...

– Мы в их годы с голыми ж... ходили. Сколько греха за них приняли. Думаешь, мне что, в кайф было то что я делаю? Ради них все. Чтобы они как мы копейки до получки не считали. А им пофиг на всё...

...

– Просрут они страну на своих вписках. Просрут.

Карнач налил стакан, замахнул. Не закусывая

– Говори, чего у тебя. Влетел кто?

– Нет. Белогорье.

Карнач насторожился

– И такой Ломов.

– И что?

– Шеф поставил задачу пробить

Карнач присвистнул

– Вон ты чего...

– А что? Не советуешь?

Карнач покачал головой:

– Не лезь. Даже близко не подходи.

– Почему?

– А знаешь, такую поговорку – Одесса мама, Ростов – папа, а Сочи – яма? Так вот, Белогорск – яма страшнее Сочи. Туда даже воры лезть боятся.

– А министерство ваше – куда смотрит?

– Как куда? На показатели, конечно. Там едва ли не самый низкий уровень преступности в ЦФО. Уличной преступности почти нет. Гопников нет давно. Перестрелок тоже нет – Лому конкурировать там не с кем, в соседние области он не лезет, а в своей без его ведома комар не пролетит. Лом это и есть там власть. Все остальное – производное.

– А он кто? Вор?

Карнач покачал головой:

– Нет, Лом не вор. Говорят, ему предлагали короноваться, он отказался.

– Короноваться?

– Это так называется, когда вором в законе делают.

– А почему он отказался?

Карнач пожал плечами

– Черт его знает. Он не из воровской среды изначально, из братков. Незаконченное высшее. С ворами у него отношения напряженные всегда были. Говорят, он с любого места может на память Крестного отца цитировать. В Италию ездит, язык говорят выучил. Видимо он в свое время Крестного отца прочитал и решил так и по жизни двигаться.

– А он сейчас вообще кто? Кем числится? Он лидер ОПГ?

– Ну... неофициально да. А официально – у него и судимостей то нет ни одной. Мы можем любую оперативную информацию на него иметь – а доказывать хрен докажешь. Тем более он старается легально держаться. Например, если хочешь магазин открыть и продуктами торговать, закупай оптом у него, у него там база есть. Дороже, но к тебе с битами уже никто не придет, а если найдутся дураки – им же хуже. Хочешь скажем, парикмахерскую открыть – плати ему за охрану, у него несколько ЧОПов. А так... помнишь, дело Цапков?

...

– Вот он примерно то же самое. Только Цапки райцентр держали – а под ним целая область.

Семидворов прикинул

– Налоги он платит?

– Кто знает. Думаю, он налоговой платит, скорее. Хотя в области у них все чистенько, дороги отремонтированы. Помнишь, московские троллейбусы раздавали?

...

– Так вот, их область не взяла ни одного. У них новые.

– Денег у него много?

– Ну и вопросы...

...

– А как думаешь, он десять лет минимум держит область. Один. Наверное хватает

– Вашим он засылает?

Карнач улыбнулся

– С какой целью интересуешься?

– Да вопрос с кем столкнусь

– А знаешь что? Пошли своего шефа на... Ему надо пусть он и прет буром.

Карнач наклонился вперед.

– Ты думай головой – сказал он – шеф твой потонул давно. Ему Донбасс не простят. А ты еще на плаву. Но это пока. Шеф твой – он и тебя за собой утащит. Брось его пока можешь.

– Не могу

– Почему?

– Есть причины.

– Как знаешь. Но я тебя предупредил. Если бы Белогорье можно было бы раздербанить, его бы уже раздербанили.

Карнач налил себе еще и сказал задумчиво:

– Вовремя предать, Юра – это предвидеть.

...

Из Москвы – Семидворов двинулся на Рублевку, где жил Леонидов. Надо было отчитаться.

Леонидов – жил на Рублевке уже давно, попал туда по браку с дочерью одного видного чиновника ельцинских времен. Но сейчас доча жила в Вене, а дом принадлежал Леонидову – одному из последних могижан, еще ельцинского призыва.

Место это было... странное это было место. Вроде жизнь а вроде и не жизнь. Везде заборы – здесь все огорожено заборами. Узкая, всего по полосе в каждом направлении, но хорошо отремонтированная дорога, по которой время от времени то Ламборгини проскочит, то Крузер. На Крузерах тут обслуга ездит. Камеры везде.

И тишина. Нет ни крика детей, ни шума города – ничего...

Семидворов посигналил – его машину знали, потому пропустили. Он поехал по длинной извилистой дороге между двумя рядами вековых сосен. Здесь на участке был лес, самый настоящий. Говорят, когда-то тут то ли писатели, то ли ученые жили...

Потом он выехал на разворотный круг. Дом был небольшой по местным меркам. Старого фасона – колонны, благородная желтизна стен. На поворотном круге впереди него стоял Фольксваген Мультиван с затемненными стеклами, в него как раз охранник помогал сесть парню лет восемнадцати с длинными, светлыми до плеч волосам и фигурой теннисиста.

Вот это было еще одно, чего Семидворов в своем шефе никак не мог понять. У него была нормальная семья, приятная жена, с которой они однако вместе не жили, но и не разводились, дети в Европе учились – их было аж четверо. Счастливая семья.

Тогда почему Леонидов, который мог себе позволить любую актрису, модель, с которым мечтали породниться половина всех знатных семей Москвы – предпочитал проводить время с едва достигшими совершеннолетия подростками?

Но это было. Еще с тех времен, когда он курировал тему с созданием нового комсомола – молодежного крыла правящей партии. С тех пор он почему то свернул в сторону, и если раньше как и все заказывал дорогих эскортниц – то сейчас ему тайком привозили мальчиков.

Семидворов ничего не мог сказать. Ни шефу ни про шефа. Еще одно правило Системы – начальник всегда прав чтобы он не делал. Семидворов старался обо всем об этом не думать, но каждый раз как не думать не получалось – к горлу подступала тошнота. Он резко отказал сыну, который хотел учиться в России на политолога именно потому, что если бы Леонидов узнал, он бы заинтересовался. А этого нельзя было допустить.

Шеф вышел явно умиротворенный, находившийся в согласии с этим миром хотя бы на какое-то время – и Семидворов вдохнул и задержал дыхание, чтобы не так мутило.

– Ну? Что там у тебя. Я кстати бегать, побежишь?

Генерал посмотрел на ноги. Обутые в туфли.

– Иди, кроссовки у меня подбери в доме, там новые пары есть. У нас нога одинаковая.

Опять затошнило. Генерал недавно полюбил ходить в церковное общество, стал изучать Библию, и помнил, что там говорится...

Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость... Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней. А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои и не делайте всех этих мерзостей, ни туземец, ни пришлец, живущий между вами, ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля; чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас; ибо если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего.

...

Ноги были неодинаковыми. Кроссовки ощутимо жали. Но не бежать было нельзя. Это было намеком на нелояльность. Это то же самое, что не выпить, когда тебе налили в высоком кабинете. Сдохни да выпей!

Генерал переминаясь, появился на дорожке...

– Ну как?

– Нормально...

Шеф потрусил к воротам. За ними, на минимальной скорости двинулась машина...

...

– Ломов Александр Иванович, семьдесят третьего, уроженец Белогорска. Ранее не судим...

– Это я и так знаю. Ты мне скажи то, что я не знаю.

Они трусили по обочине дороги. Мимо пронеслась красная Феррари...

– Кличка Лом, лидер ОПГ.

– И это я знаю.

– Савелий Яковлевич. Я говорил с человечком из МВД. Лом опасен. С ним даже воры ничего не могут сделать. В области нет смотрящего уже много лет. Это все не просто так.

Генерал бежал, проклиная боль в ногах.

– Оппозиции в области у него нет. Зато власть – вся его. Местное отделение Единой России возглавляет его давний друг Ковалев, вице-губернатор области.

Леонидов резко остановился. Генерал чуть не налетел на него.

– Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики, так? – весело сказал он

Генерал удивился. Хотя вида не показал. Он до сих пор удивлялся насчет шефа. Власть в России глубоко цинична, она использует все что угодно для того чтобы добиться своего. В России нет запретных тем, здесь не играет никакой роли репутация, и политики с потрясающей наглостью лезут в душу, используя великое прошлое и память о нем для достижения нынешних, и часто низменных целей. Но Леонидов был потрясающим циником даже на фоне этих, мало чего стесняющихся людей. В душе генерала Семидворова, как и многих других людей в России – сохранялась память о большевиках, как о людях, которые хоть и наделали много кровавых ошибок – но тем не менее, были одними из немногих, кто работал не на собственный бездонный карман – а на страну, на ее будущее. Но Леонидов – вор, лжец, политический факир, любитель маленьких мальчиков – готов был использовать и это для собственных целей. Он не был ни левым ни правым, ни большевиком ни капиталистом. Он просто осквернял все к чему прикасался.

– Учишь вас учишь...

...

– Через Ковалева мы и пройдем. А знаешь, почему?

...

– Потому что власть главнее денег, понял? В России нет более эффективного бизнеса чем политическая власть. Нет и не будет! Или ты думаешь, этот... Ковалев не хочет стать губернатором? Или депутатом...

Леонидов сладко улыбнулся:

– Хочет. Все хотят. А за свои хотелки надо платить. Знаешь, чем хороша власть?

Леонидов резко посмотрел в глаза генералу.

– Власть это бизнес в одиночку! Один хапает – работягам платить не надо! Одно депутатство дает прибыли больше, чем завод! Одно министерство – больше чем область²!

...

– Короче, работай по Ломову. Что-то за ним должно быть. Семья, дети, косяки старые. Вербани его как надо, как умеешь. А я займусь остальным.

² И пока у нас так и есть, мы никогда не станем богатой страной – от автора.

Далекое прошлое. 1995 год. Россия

Корпус был старым лагерной еще закалки вором. И регалки свои – в отличие от некоторых – не сводил.

Он родился в Одессе, но сходняк поставил его рулить в Белогорске и он принял это назначение – сходняку виднее. На своем посту он делал то что должен был делать смотрящий – следил за порядком, принимал долю и отправлял грев в зоны. Но с каждым годом – делать это становилось все труднее и труднее...

Мир менялся. Если раньше все было понятно: воры воровали, менты принимали, а работяги пахали – то теперь все смешалось. Ментам не платили зарплату и они начинали крутиться сами. Работягам тоже не платили – и они тоже крутились как могли. Но главное – молодежь.

Каждый правильный вор должен был иметь несколько человек пристяжи и воспитывать их в соответствии с воровским законом чтобы они тоже стали ворами. Если кто этого не делает – с него конечно не спросят, но отнесутся с неодобрением. Воровской мир должен жить и пополняться. Но никто не мог себе представить, чтобы в криминал хотели идти все или большинство. Преступный мир не сможет так существовать.

Но так теперь и было.

Корпус был грамотным, и любил читать газеты, выписывал чуть ли не стопку целую – газет и журналов, и читал. В конце восьмидесятых – его поразила статья о том, что происходит в Казани. Стаи пацанов сбивались и шли грабить прохожих, но не только грабить – убивать. Людей избивали и убивали со звериной жестокостью, и было такое впечатление, что в городе нет совсем воровского закона – потому что смотрящий должен вмешаться и пресечь откровенный беспредел. А там уже краев не видели – как то раз шпана пошла по улице и всем встречным наносила удары ножом³. Это неслыханный беспредел! Так нельзя жить, так нельзя существовать, так можно добиться лишь того, что менты озвереют и начнут хватать всем подряд, а судьи будут лоб зеленкой мазать. Нельзя объявлять государству войну.

Но государства скоро не стало, а те, кто остался, все – от спортсменов до ПТУшников – захотели свой кусок. ПТУшники – это вообще неслыханно, даже они решили ставить ларькам крышу. Куда годится?

На этом фоне – воровская среда оказалась просто неспособна хоть как-то поставить все, что происходило, под контроль – а многие даже не отстегивали в общак. Просто всех не охватишь, кто двигается.

У воров остался один козырь – безраздельная власть в зонах – и они им козыряли. Пристесь мог любой, и уже в СИЗО могла начаться такая прессуха, что в параше утопиться за счастье будет. Воры были крайне изощренными в своей жестокости – на зоне все равно делать нечего, и если с воли приходит прогон таких то загнать под шконарь – он выполняется с выдумкой и удовольствием...

Но воры понимали и то, что в открытом противостоянии им не сладить со спортсменами и примкнувшими к ним афганцами и беспредельщиками. Вор, по их закону, не мог касаться ствола – а у спортсменов гранатометы были. Да и просто – спортсменов было больше в несколько раз. В рэкет пошли все – футболисты из СДЮШОР и те пытались заниматься рэкетом.

После развала СССР – в Грузии началась гражданская война, вор в законе Джаба Иоселиани стал одним из руководителей государства – это, кстати, он сказал ставшую крылатой фразу «Демократия – это вам не лобно кушать. Кто не будет подчиняться – расстреляем». Но это одно, а когда нечего есть – нечего есть всем. В Грузии шла война, в новогоднюю

³ Это реальный факт.

ночь артиллерия наносила удары по президентскому дворцу, Армения и Азербайджан воевали меж собой, короче говоря, было не до движения – как бы выжить. Сейчас многие не поймут степень тогдашнего одичания. Денег нет, свет не дают, на улицах в Тбилиси стреляют, а в Ереване – голодные собаки бросаются на людей, потому что не ели много дней и готовы были перекусывать даже человечинной. Это мне один кент потом рассказывал – его отец вывез из Еревана семью в девяносто втором в Россию, вообще в никуда, потому что тут хотя бы продукты в магазинах были и свет всегда, а не час в день. Сейчас он, к слову, на Центральном рынке старший, но не суть...

А как все независимости за год до этого хотели...

Так вот. Корпус повел игру хитро и вместо того, чтобы пытаться ломать озверевших от крови спортсменов и афганцев, предложил им следующее. Они сдают в общак, но Корпус не слишком усердно проверяет – главное, чтобы сдавали все и не слишком мало. Кроме того, Корпус предоставляет всем услугу воровского арбитража. Тогда движение только начиналось, и никакого закона, кроме воровского, у него не было – ну не по советскому же жить! Постоянно возникали какие-то терки и все начинали уже понимать, что рямсить, пальцы расширять друг на друга по поводу и без – это не дело. Лучше обратиться к вора, они разведут по понятиям. Хотя бы потому, что Корпус был старше, мудрее и в жизни много чего повидал. К нему стали прислушиваться – и в то время, когда у соседей грохотали выстрелы – в Белогорье было тихо.

Но Корпус понимал что рано или поздно – он ситуацию уже не удержит. И еще он понимал, что если доведенные до отчаяния, не получающие месяцами денег, работяги восстанут – то им за счастье будет, если просто пристрелят. Хотя он-то уйдет, ему не привыкать – это этим толстолобикам, которые себе домов понастроили из кирпича в три ряда, вот им худо будет.

В девяносто третьем, в самом конце прошли выборы. На первом месте был Жириновский – говорливый дешевый фраер с бегающими глазами. На втором с небольшим отрывом – коммунисты. Область вошла в «красный пояс» – люди мгновенно забыли о пустых полках и очередях в километр и голосовали за коммунист. Как оказалось, забитые полки раздражают еще больше, если денег нет...

В девяносто пятом – президент России Борис Ельцин, в народе просто Боря-алкаш – решил избираться на второй срок. Рейтинг у него был три процента, но это никого не смущало.

А Корпусу – позвонил один авторитет – авторитетный Вор союзного значения – и пригласил в Москву для серьезного разговора...

...

Поскольку Корпус был человеком консервативным, в Москву он поехал поездом. Тут недалеко совсем, да и в поезде не шмонают. Металлодетекторы на входе в аэропорт тогда были – а вот на вокзалах их не было и ни о чем таком думать не думали.

На вокзале его встречали. Несколько человек, короткие стрижки, кожаные куртки – как эти, новые. Вор ничего вслух не сказал, но про себя сплюнул – вор скромным должен быть. А эти вырядились, как бычки. К нему они обращались с уважением, даже называли по имени-отчеству. Вора тем не менее поразило, как нагло себя вели на людях посланцы Барона – коронованного на союзной сходке Вора в законе. Даже машину они подогнали чуть ли не к самому поезду – там время от времени разгружались Газели ларечников, а так было нельзя. И на ментов они смотрели прямо и нагло – а менты наоборот опускали глаза.

Что делается...

...

Барон принимал у себя, в кафе Север – он его типа приватизировал и сделал там что-то вроде своей штаб-квартиры. Там – в предбаннике и по всему залу все время прохаживались быки, а те, кто по незнанию туда заходил – ел как можно быстрее и убегал бегом, понимая, что попал в волчье логово. Впрочем, еще никого тут пальцем не тронули – потому что при Бароне расширять пальцы было чревато на кого угодно.

Барон – толстый, с окладистой бородой, внешне похожий на Сергея Параджанова – поднялся из-за накрытого стола навстречу гостю. Сбоку него сидел еще один человек.

– Корпус...

– Вечер в хату

– Жизнь вора. Хо́да воровскому, смерти мусарскому. Садись, отведай, что Бог послал, не побрезгуй.

– Благодарю.

Корпус сел, принялся есть – скромно, не жадничая, но и хозяина не обижая. Больше всего его интересовало, что за штымп рядом с Бароном – бухгалтер что ли? Это раньше обшак в сумке держали – а теперь...

Неужели вопрос потому, что он мало сдает? Это плохо...

Ели молча. Говорить во время еды нехорошо, сначала надо насытиться, потом и говорить. Наконец, Корпус отложил ложку.

– Благодарю, Барон, – сказал он, – за стол богатый.

– Не за что. Тут с тобой поговорить хотят, Корпус.

Корпус посмотрел на молодого человека.

– Кто?

– Человек божий, обделан кожей. Ты выслушай сначала, это для братвы важно.

Корпус не стал бы этого делать, но если просил Барон – то должен был

– Алексей Викторович – сказал молодой – думаю, для вас не секрет, что обстановка в стране сложная, на носу выборы...

Корпус не мог своим ушам поверить – что за прогон? Какие выборы...

– Сейчас, для будущего и нашего, и вашего – крайне важно сделать правильный выбор. Мы не должны допустить коммунистического реванша...

Корпус недоуменно посмотрел на Барона – но тот сидел и прикрыл глаза.

– Я-то при чем?

– Алексей Викторович... вы человек в своей области авторитетный к вам прислушиваются, не меньше чем к губернатору... Ваша область на прошлых выборах дала почти четверть голосов коммунистам. Сейчас не та ситуация, победы Зюганова нельзя допустить. И если вы скажете в области свое веское слово... уверены, к вам прислушаются. Со своей стороны мы так же не забудем оказанной нам услуги.

Барон открыл глаза.

– Алексей Викторович сделает все возможное...

От тона, каким это было сказано – хотелось прыгнуть в окно.

...

Корпус дожидаться не мог, пока этот штымп уйдет. И как только он ушел – он заговорил с Бароном как Вор с Вором.

– Барон... это кто вообще. Он вообще – кто?

– Из Кремля.

Корпус не поверил своим ушам.

– И ты мне это говоришь? Ты, Барон?

Барон не смутился.

– Корпус, ты же знаешь постанову, которую в Кавминводах приняли. Если для пользы хо́да воровского – с властями контактировать можно.

– Да, но тут другое.

– В чем?

– Можно тереть чтобы братве послабление сделали какое... или грев в зону зашел. Это без вопросов. Но тут... Ты как себе это представляешь? Я сам должен на выборы идти и других запрягать

– А в чем проблема?

– Да это парафин!

– Какой парафин? Ну, сходил ты на выборы. Ну, ты лично можешь не ходить, не вопрос. Коммерсов напряги, которые под тобой. С людьми поговори. От тебя не убудет, если ты галочку в бюллетне поставишь. А братве польза.

– Какая польза?

– Ты что, хочешь, чтобы коммуняки опять пришли? Знаешь, что нам будет, если коммуняки вернутся? Как бы лоб зеленой не помазали! Проголосуй за Ельцина – вот твое дело будет. И других напряги.

Корпус было нечем. Корпус понимал, что ничего хорошего от коммунистов у власти ждать не приходится.

– Подумай сам. Сколько жиганов в зоне, по ШИЗО и БУРах здоровье свое оставили. Всё коммунисты поганые. Вспомни Белый лебедь – это же пресс нелюдской. Ты там сидел?

– Бог миловал.

– А я почти два года отбарабанил, пока спрыгнуть на больничку не получилось. Нелюди все это придумали. Нелюди. Если братва может этим нелюдям дорогу закрыть – это надо сделать. Не будет красным хода!

Корпус покачал головой

– Что?

– Все ты по делу говоришь, Барон. Но...

– Что?

– Ворам в дела власти лезть не пригоже. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

– Опять за рыбу деньги! Кстати, про коготок я вспомнил – мне инспекторша ДПН говорила, когда мне десять было и меня первый раз приняли...

– Да, Барон. А второе – ты видишь, как работяги живут?

– Чего?

– Работяги. Им же жрать не на что купить.

– Ты чего? – изменившимся голосом сказал Барон. – Ты за кого?

– Мне за них впрягаться не в масть, это ты верно подметил. Но им сейчас живется намного хуже, чем при коммунях. И это им Боря – алкаш обеспечил. А ты воров подписываешь за него впрягаться. Все кончится не тем что мы на ножи – нас на вилы поднимут.

...

– Прости, Барон. Но я не в деле.

Барон покачал головой

– Как знаешь

...

Несмотря на отказ – Корпус был настолько потрясен произошедшим что ему надо было посоветоваться...

Барон... это же союзный вор. Да конечно он слышал, что воры в тесных отношениях с властями, но не настолько же.

Вор говорит за кого надо голосовать. Это... ни на один болт не натянешь...

Сказать, что Барон ссучился... за слова придется отвечать. Барон выше рангом.

...

Чтобы получить совет, вор направился в парк Сокольники – там было что-то вроде постоянной сходимки воров в кафе Фиалка...

Но ему не повезло – в тот день в кафе был ментовский шмон. Завидев машины – Корпус повернул назад.

...

По пути домой – он все думал и никак не мог придумать – что делать.

Пойти против Барона – чревато. Сильно чревато. Барон мог устроить правилку даже ему – у него много людей ему должных, его крестников.

Но... такое?

Или и в самом деле – так теперь живут?

Что станет с воровским миром, если это будет нормой.

Да... неладно дело.

...

На выходе с вокзала его ждала пристяжь. Понятно, что джип к поезду не подгоняли.

– Как съездил, Корпус?

Корпус смерил наглеца взглядом

– Поехали

...

На выезде с вокзала была пробка. Какая-то машина, самосвал Зил заглохла и раскрылилась, пропускали машины по одной полосе, и въезжающие и выезжающие...

– Козлы!

Сидевший за рулем Волги опустил стекло

– Э, водила! Тебе говорю! Убирай свой хлам нах...!!

– Заглохла

– Не е...!

Вместо ответа – водитель достал из кармана ПМ и выстрелил...

И тут же – из кузова Зила ударили два автомата. Волгу изрешетили практически в упор. Водитель, когда отгремели очереди, подскочил к расстрелянной машине и разрядил в упор свой ПМ в Корпуса.

– Валим!

На той стороне дороги стояла девятка, вскочив в нее – киллеры рванули с места.

На похоронах Корпуса было много народа, и представили нового смотрящего по области – Гиви. Приехал его представлять Барон – вор в законе союзного значения.

Первое, что сделал Гиви – ну не считая получения общака, конечно – купил себе дорогую квартиру в центре за счет общаковских денег, потребовал пригнать себе Мерс, чтобы ездить с понтом, а потом собрал всех своих и загрузил – обеспечить, чтобы лохи голосовали на выборах за Ельцина. Хоть как. Хоть сами на избирательных участках стойте...

В отличие от старомодного Корпуса Гиви вписывался в систему – сразу и с удовольствием. Он прекрасно знал, что система может дать ему – и в ответ многое готов был дать ей.

А что касается нас – то в этом году нам впервые поперла масть, мы впервые смогли взять под контроль серьезные точки и дела (за счет бегства афганцев и ослабления воров в междоусобной бойне) и решили сменить машины. А это не так то просто было.

В те годы – нельзя было просто пойти в автосалон и купить машину. Кредитов тоже никаких не было.

Машины не покупали – машины пригоняли. От совка в городе остался единственный автосалон, но там в свое время машины тоже не продавали – там записывали на очередь, потому что в стране советской, где так привольно жить – купить машину было нельзя, надо было ждать. Там и сейчас жизнь ключом не била. Но на окраине города, за наскоро построенными из ворованного со строек кирпича гаражными кооперативами (было видно по цвету кирпича, кто с какой стройки воровал) – возник стихийный автомобильный рынок, просто на утопанной площадке, которую потом, где-то на второй год работы – засыпали гравием, чтобы покупатели не ходили по грязи, и чтобы продаваемые машины не приходилось все время мыть (а когда моешь, слякоть еще больше разводишь).

Так вот, машины в те годы пригоняли. За Вазами ездили в Тольятти, ездили опытные люди, причем была даже такая услуга для своих – сопровождение по конвейеру, то есть тебя за плату или за авторитет пускали на завод и ты шел за своей машиной по конвейеру и смотрел как ее собирают. Потому что если не смотреть – то работягам все пофиг, соберут так что рассыплется после пары десятков километров. Потом тебе выгоняли собранную под твоим присмотром машину – ты ее оплачивал и уезжал. Тольятти тогда был крайне зловещим местом, ямой союзного масштаба, там считай, каждый день убивали. Я еще расскажу про это.

А для тех кто мог себе позволить не таз с болтами⁴, а что-то получше – были два варианта. Первый – это японки, праворукие машины – у них руль был справа. Примерно до Екатеринбурга – была их беспредельная вотчина, потому что они были дешевыми, качественными и не ломались. В отличие от наших, которые могли сломаться уже при выезде с рынка. Японские машины покупали рыбаки в Японии на аукционах, где продают подержанные, грузили на корабль и привозили в Россию, где и продавали во Владивостоке на авторынке «Зеленый угол». Были спецы, которые перекидывали руль справа налево – и ее можно было гнать в центр России, но дорог нормальных не было тогда и сам перегон – превращался в незабываемое приключение. В общем – японки не завоевали тогда Россию полностью только потому, что не было нормальной дороги из Владика в Москву. Отправлять железкой было дорого, а ехать по тем дорогам, которые есть – то еще приключение, учитывая и тот факт, что все дороги тогда оседлали бандиты и людей за машины – просто убивали. Да и дороги плохие – ехать долго и машину можно по дороге убить до нетоварного вида – и какой смысл? Зато в Европе дороги были хорошие и это был второй вариант – гнать машину с германских аукционов по продаже подержанных машин. Тогда так многие делали – и мафия, польская, белорусская, украинская, наша – знали, что едут люди с наличкой – или обратно с машиной. Карточек тогда не было пластиковых, биткойны... господи, какие тогда биткойны. Были американские тревел-чеки, но про них мало кто знал, у нас в области их не продавали и, по-моему, в те годы даже не обналичивали. Всё нал. Так что немало людей – пропало в те годы без вести, занимаясь перегоном машин...

Эх... рассказать вам что ли... отвлекусь немного от дел своих скорбных и вас немного развлеку. Смех и грех что тогда было. Греха конечно больше...

В тот год у меня уже была машина – Тойота Фораннер. Черная, такой крутой, проходимый джип на высокой подвеске – я тогда полюбил Тойоты, и хоть какое-то время изменял им с Мерседесами – все равно потом вернулся. Тойота – она крутая и в то же время народная. Мерс это понты, а Тойота стоит ровно столько, на сколько она сделана. Если она стоит дорого как Крузак – то она и сделана дорого, и прослужит долго, и на дороге не подведет. Но первым у меня был Фораннер.

А вот Ларин – сначала на девятке гонял, а потом, последним из нас задумал купить Мерседес-600. Но не просто купить – а пригнать, потому что тот кто гонял сам – сэкономил процентов двадцать, а то и тридцать.

Одному ехать было нельзя – хотя бы потому, что на дорогах было так опасно, что машину гнали не останавливаясь, сменяясь за рулем, иногда даже на ходу. Банды выслеживали перегонщиков и преследовали их на машинах. Стреляли редко – повредишь машину тебе же убыток. Но стоит остановиться – налетали сразу. И обычно сразу молотком или топором по голове – едут посторонние, никто не узнает, никто не спросит. Если в Польше еще пытались дань взять – то в Белоруссии или Украине часто сразу убивали.

Короче, лютый беспредел на дорогах был.

В общем, собрали мы бабки, понятное дело, наличные, зашили их, простите в трусы (так тогда делали и ничего смешного) – и поехали.

⁴ Так тогда, да нередко и сейчас назывались машины ВАЗ – из-за не лучшего надо сказать качества.

Туда маршрут самый безопасный такой – поездом до Москвы, потом сесть на автобус до Риги или Вильнюса, потом в порт – и паромом до Гамбурга. Второй маршрут – через Санкт-Петербург и Хельсинки – опаснее, в Питере тогда конкретно лютовали, краев никаких не было. Так что решили ехать так, через Прибалтику.

Сели на автобус. Автобус был старый немецкий, никаких уже Икарусов. Перед тем как отправляться, водила прошел по салону и собрал со всех по сто долларов – на взятку таможеннику.

По трассе М-9 пошли до Риги. Прошли нормально, то есть не сломались. Говорят, было такое, что останавливали автобусы, под дулами автоматов выводили пассажиров и грабили – но нас Бог миловал. Я потом еще слышал, что парочку таких вот бригад на трассе Брест-Минск выцепили орлы только что пришедшего к власти Лукашенко и расстреляли в ближайшем лесочке.

Рига была ничем не примечательным городом – обычным постсоветским грязеньким, но половина вывесок уже была на английском или на местном, а часть населения отказывалась понимать русский язык – жертвы аборта короче. Еще было много поляков, которые русский то как раз понимали, правда говорили на нем с характерным акцентом. Еще было много братвы, я это хорошо видел. А в порту было еще больше, потому что тогда через порты – шел экспорт металлов и прочего. Короче говоря – понервничали, но все прошло гладко.

И вот – мы наконец сели на паром, по размерам напоминающий нашу девятиэтажку и поняли, что на какое-то время мы в безопасности...

Наши тут же начали напиваться, но мы воздержались. Быть пьяным с такими деньгами – последнее дело.

А потом мы прибыли в Гамбург...

Б...

Я – пацан, который вырос в глубинке и ничего кроме Москвы, да пару раз Крыма не видевший именно тогда понял: правильно мы коммунистов погнали. В конце то концов – какой смысл в государстве, если не для благосостояния его граждан? А? А наше государство – оно чем занималось все эти годы?

И отмазки про то что у нас война была – не катит, у немцев тоже она была и им досталось ничуть не меньше чем нам – а может и больше. Тогда почему у них все в идеале, а у нас – ж...?

Кому мы ввали о том, что идем к светлому будущему – а сами в то время понемногу п... ли с работы? Смотря на Германию и на немцев – я вдруг вспомнил наш двор, где мы выросли. Посиделки пьяных мужичков, домино под пивко и крики «рыба!». Рассуждения о том что в стране все неправильно, что на работе все неправильно – но виноват в этом кто-то другой. Не мы. Хоть кто-нибудь из того двора где я вырос задумался о том, что зависит в этой жизни лично от него и что лично он должен сделать, чтобы жить иначе? Нет. Все что сумели, до чего руки дошли – соорудить стол, за которым удобно играть в домино, попивать пивко и водку и ругать всех на свете.

Что же мы за народ такой, а? Почему нам так мало надо от жизни? Почему мы удовольствуемся малым, а?

Я пока не знал, как так сделать – чтобы у нас было как тут. Но я точно знал, что это возможно, и знал что так как сейчас – нельзя. Надо сильно не уважать себя, чтобы жить, так как мы жили. И потом, когда мы всем коллективом приняли решение завязать с криминалом и уйти в легальный бизнес, когда мы начинали строить нормальные заправки, нормальные магазины, нормальные сервисные центры, нормальные дома в конце концов – я не раз вспоминал ту поездку в Германию. И никогда не соглашался на дешевый эрзац. Тут вопрос не в деньгах, а в самоуважении. Нажраться можно и дешевой бурдой, которую ты сам же поставил – но ты же покупаешь коньяк, почему? Потому что себя уважаешь. Так и тут. Во всем надо проявлять самоуважение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.